

28.5
K60

*А. А. Колаковский,
Ю. Н. Воронов*

**Юрий Николаевич
ВОРОНОВ**

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ АН СССР
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*Л. Я. Бляхер, А. Т. Григорьян, Б. М. Кедров,
Б. Г. Кузнецов, В. И. Кузнецов, А. И. Купцов,
Б. В. Левшин, С. Р. Микулинский, Д. В. Ознобишин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя),
Н. А. Фигуровский (зам. председателя),
А. А. Чеканов, С. В. Шухардин, А. П. Юшкевич,
А. Л. Янин (председатель), М. Г. Ярошевский*

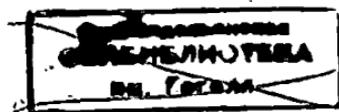
28.5.
К60

А. А. Колаковский, Ю. Н. Воронов

**Юрий Николаевич
ВОРОНОВ**

(1874—1931)

АБДРАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА

1981
ADIB SOBIR TERMIZIY NOMIDAGI
SURXONDARYO VILOYATI AXBOROT
KUTUBXONA MARKAZI
Kat. № 68744
200 y.

Колаковский А. А., Воронов Ю. Н. Юрий Николаевич Воронов (1874—1931). М.: Наука, 1981. 96 с.

Книга посвящена жизни и деятельности известного русского ботаника профессора Юрия Николаевича Воронова. Он работал в области систематики, ботанической географии, микологии, был крупным специалистом по субтропическим, каучуконосным и другим полезным растениям. Особенно много сделано Ю. Н. Вороновым по изучению флоры Кавказа. В книге приводятся сведения о коллегах ученого, о различных научных организациях начала XX в. Эта работа должна рассматриваться как часть истории отечественного естествознания.

Рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся развитием отечественной науки.

16.1

Ответственный редактор.

Е. М. СЕНЧЕНКОВА

От авторов

Профессор Юрий Николаевич Воронов — видный систематик, ботанико-географ, миколог, бриолог, специалист по субтропическим, каучуконосным и другим полезным растениям. Своими многочисленными научными работами, особенно по Кавказу, он внес большой вклад в развитие отечественной ботанической науки. Учителями Юрия Николаевича были профессора Ш. Флао, Н. И. Кузнецов, И. П. Бородин и В. Л. Комаров. В течение 30-летней научной деятельности Ю. Н. Воронов сотрудничал с кавказскими ботаниками, среди которых были такие крупные ученые, как И. В. Палибин, А. В. Фомин, Н. А. Буш, В. В. Маркович, Н. Н. Воронихин, Н. И. Вавилов, Е. В. Вульф, А. А. Гроссгейм, Д. И. Сосновский, С. В. Юзепчук, А. Б. Шелковников, Л. Н. Делоне и Б. А. Монюшко. Его биография теснейшим образом связана с биографиями этих известных исследователей и поэтому должна рассматриваться как органическая часть истории отечественного естествознания. Будучи человеком с весьма разносторонними интересами и знаниями, Юрий Николаевич был дружен с археологом С. В. Тер-Аветисяном, этнографом А. Н. Казнаковым, палеонтологом А. Н. Криштофовичем, географом В. П. Семеновым-Тяньшанским, океанологом и зоологом Н. А. Смирновым, языковедом Н. Я. Марром и с семьей Грум-Гржимайло, в которой были и путешественники, и географы, и ботаники.

Биографические сведения о Ю. Н. Воронове, приводимые в специальных мемориальных статьях и в публикациях его современников, крайне скудны и отрывочны. Достаточно отметить, что, например, в наиболее полной библиографии трудов Юрия Николаевича, составленной С. Ю. Липшицем, насчитывается 129 номеров. В процессе подготовки настоящей работы авторам удалось довести этот список до 238 наименований, что значительно расширяет сведения о вкладе ученого в ботаническую науку.

В публикациях содержалось мало конкретных фактов о маршрутах и пунктах ботанических поисков ученого. Для восполнения этого пробела авторы ознакомились с сотнями публикаций как самого Ю. Н. Воронова, так и

других исследователей, изучавших его сборы. Наконец, многие интересные факты биографии ученого стали известны совсем недавно, после обработки ленинградским профессором И. П. Лейберовым обширного семейного архива Вороновых, сохранившегося в их доме в горном селе Цebelда (Абхазская АССР). В результате удалось с достаточной полнотой обрисовать жизненный путь Ю. Н. Воронова, книга о котором — наиболее достойный памятник его деятельности.

Авторы выражают свою искреннюю и сердечную благодарность дочерям Ю. Н. Воронова — Т. Ю. Вороновой, И. Ю. Четверухиной, его племяннице С. В. Вороновой, его внукам А. С. Четверухину и В. Г. Воронову, а также В. В. Орелкину за помощь в сборе и подготовке к печати ряда важных материалов, связанных с жизнью и деятельностью профессора Ю. Н. Воронова.

Труженик науки

Юрий Николаевич Воронов — один из видных представителей отечественной ботаники, живший в период ее бурного развития на рубеже XIX и XX вв. В это время проводились широкие флористические и ботанико-географические исследования еще малоизученных обширных территорий нашей страны и создавались огромные гербарные фонды. Обширные данные этих исследований явились фундаментом для теоретических обобщений, которые были использованы в ходе дальнейшего изучения богатейшей флоры и растительности — мощного естественно-производительного ресурса нашего государства.

Нельзя не отметить, что одним из стимулов необычайно плодотворной деятельности ботаника этого периода были всепоглощающая любовь к природе, необычайная самоотверженность в работе, сопряженная с полной отдачей всех сил, талантов и знаний делу изучения сложных природных явлений и выяснения закономерностей эволюционного развития растительного мира.

Труден был путь ученого в царской России, и это особенно четко выражено в одном из ранних писем Ю. Н. Воронова: «Я могу жить и работать только в условиях полной личной независимости и свободы»¹.

В известной мере это кредо Юрия Николаевича сыграло немаловажную роль в его жизни, в особенности в тот период, когда он часто менял места своей работы, не желая мириться с яркими узаконенными проявлениями туподумного чиновничества. Нельзя поэтому не отметить известный параллелизм с судьбой Н. М. Альбова — первого исследователя флоры Абхазии, который (фактически по вине тех же чиновников) был вынужден покинуть Родину и переселиться на Огненную Землю².

Удивительным при всей этой неблагоприятной внешней обстановке является сохранение душевной чистоты

¹ Колаковский А. А. Жизнь, отданная науке (к 100-летию со дня рождения профессора Ю. Н. Воронова). — Сов. Абхазия, 1974, 14 июня, с. 2.

² Каргашев В., Каргашева К. След на песках времени. М.: Мысль, 1969, с. 32.

Ю. Н. Воронова и искренней преданности его науке вне зависимости от личных мотивов. В этом отношении интересна, например, реакция на переезд В. В. Марковича в Сухуми, выраженная в одном из писем Воронова: «... он является моим „конкурентом“ по изучению флоры Абхазии, но меня это только радует — чем больше людей займется исследованием нашей прекрасной Абхазии, тем больше выиграет от этого наука...»³.

Авторы не случайно начали книгу об ученом с упоминания некоторых моментов, позволяющих судить о Ю. Н. Воронове в первую очередь как о человеке. Ведь именно личные, человеческие качества исследователя всегда определяюще влияют на качество его научных достижений. Все, кому пришлось встречаться с Юрием Николаевичем и сотрудничать с ним, всегда в первую очередь отмечали его исключительную доброжелательность, тактичность, внимательность, простоту в обращении с людьми, исключительное трудолюбие. Вместе с тем в необходимых случаях Ю. Н. Воронов становился непримиримым при защите своих научных и этических взглядов. Научные симпатии Воронова были всегда строго определенными, и он открыто их выражал вне зависимости от требований «текущего момента». Ю. Н. Воронов не преклонялся перед любыми титулами, званиями и дипломами, и, не имея диплома о высшем образовании, сумел занять то место в науке, которое дается лишь наиболее достойным ее труженикам⁴.

Интересы Ю. Н. Воронова были весьма разносторонними. Однако в течение всей своей жизни он стремился наиболее полно познать флору и сложную историю ее развития, в особенности разнообразную и реликтовую флору Кавказа, который, как он писал, «всегда был предметом» его «внутренней жизни». Эта в известной мере избирательность в направлении научных исследований объясняется, с одной стороны, еще юношескими увлечениями, возникшими, возможно, под влиянием отца — натуралиста-любителя. Уже с шестнадцатилетнего возраста Юрий Николаевич начал достаточно серьезно увлекаться зоологией, в особенности энтомологией, а также ботани-

³ Колаковский А. А. Жизнь, отданная науке..., с. 2.

⁴ Бобров Е. Г. Памяти Юрия Николаевича Воронова (к 100-летию со дня рождения). — Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1214—1217.

кой. В 1891 г. он впервые приступил к систематическим сборам растений в Абхазии — на территории отцовского имения «Ясочка», а также в окрестностях Цебельды и с. Юрьевского. С другой стороны, становление Ю. Н. Воронова как ботаника-географа, и в первую очередь систематика и флориста, прошло, по-видимому, не без влияния крупнейшей для того времени школы кавказских ботаников, возглавляемой Н. И. Кузнецовым. Еще в студенческие годы Юрий Николаевич общался с такими видными учеными-ботаниками, как И. П. Бородин, В. И. Липский и В. Л. Комаров, которые обратили внимание на молодого ботаника, словом и делом оказывая ему необходимую помощь. По своим взглядам на систематику Ю. Н. Воронов примыкал к школе Р. Веттштейна, базируя свои систематические выводы на ботанико-географической основе. По многим ботаническим вопросам он являлся сторонником взглядов своего первого учителя профессора Ш. Флао, а в конце жизни примкнул к генетической школе Н. И. Вавилова.

Немаловажную роль в становлении Воронова как широко эрудированного ученого сыграли знания многих европейских и кавказских языков, а также незаурядная память. Следует отметить и необычайно ценную способность Ю. Н. Воронова как биолога уметь «смотреть и видеть», а затем синтезировать и теоретически обобщать увиденное на массовом материале.

Юрий Николаевич все свои силы направлял на то, чтобы претворить данные науки в жизнь, на благо человека. К этому он стремился в течение всей жизни, включая самый последний отрезок времени в период его экспедиции в Америку, куда он был направлен для исследований и сбора крайне необходимых в то время нашей стране каучуконосных растений. Вполне четко сложившиеся еще в юности представления Ю. Н. Воронова о пользе науки для экстенсивного сельского хозяйства того времени отражены уже в его письмах из Франции⁵.

Много сил отдавал Ю. Н. Воронов сбору фактического материала, без которого совершенно немислимы даже самые простые теоретические обобщения. Трудно точно подсчитать общее число гербарных листов, коллекций семян и плодов, а также объектов фауны, накопленных уче-

⁵ Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М.: Политиздат, 1976, с. 93—95.

ным за его в общем недолгую жизнь, — ведь им собраны многие десятки тысяч листов только одного гербарного материала.

Следует особо отметить интерес Юрия Николаевича к изданию гербариев, хотя это очень сложная работа, требующая больших затрат времени. Только в трех изданиях — «Списке растений гербария русской флоры» (1908), «Списке растений гербария кавказской флоры» (1905—1909) и «Гербарии кавказской флоры» (1912—1916) — он разослал в различные крупнейшие учреждения Старого и Нового Света описания 782 видов кавказских растений, собранных в количестве свыше 20 000 экземпляров⁶. Эти публикуемые гербарии очень важны для систематиков всего мира, так как в них содержатся подробные описания оригинальной флоры Кавказа.

Ценность собранных Ю. Н. Вороновым ботанических коллекций определяется не только точностью определений, но и способностью его при массовых сборах обеспечить весьма качественную консервацию материала. Это, как известно из практики ботаников, необычайно трудоемкий процесс, проходящий в условиях долговременных и трудных экспедиций и требующий максимальных духовных и физических усилий. Достаточно бездельного знакомства с книгой Ю. Н. Воронова «Полгода в Колумбии», чтобы понять, сколько было положено труда для сбора 106 пачек гербария только из одной Мексики⁷.

Для сбора материала ботаникам приходится обследовать крайне трудные и нередко опасные для жизни горные районы, пустыни и т. п. Ю. Н. Воронов прошел пешком или проехал верхом многие тысячи километров. Он не отличался особо крепким здоровьем, но неуемная тяга к знанию позволяла исследователю всегда с исключительным оптимизмом встречать и преодолевать препятствия. Очень важно, что многие полезные растения, среди них кавказская диоскорея и подснежник, носящий имя ученого, были найдены и впервые описаны в этих походах. Из них получены ценные медицинские препараты.

Для поисков растений в природе помимо наблюдательности необходимы фундаментальные знания систематики. У Юрия Николаевича были такие богатейшие знания си-

⁶ Бобров Е. Г. Памяти Юрия Николаевича Воронова..., с. 1215.

⁷ Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь/ Сост. С. Ю. Липшиц. М., 1947, т. 2, с. 179.

стематики. Неудивительно поэтому, что ему удалось собрать только во флоре Кавказа так много (свыше 150) новых видов, не известных науке, часто очень редких и исчезающих растительных форм, позднее признанных систематиками всего мира.

Необыкновенная наблюдательность и способность Ю. Н. Воронова к синтезу и обобщению материала выражена, например, в его классификации лесов нижнего и среднего горных поясов Абхазии. Эти леса Ю. Н. Воронов разделил на четыре основных типа: дубово-грабовый, буково-грабовый, буково-каштановый и смешанные леса ущелий⁸. Это было очень ценно для понимания лесной растительности, так как до этого времени в науке господствовали достаточно примитивные представления о колхидском лесе как смешанном, перевитом лианами.

О широкой эрудиции Ю. Н. Воронова говорит тот факт, что многие ботаники — его современники — перед сдачей своих работ в печать обращались к нему за консультацией, с тем чтобы он «своими глазами» взглянул на материал и смог бы оценить его истинное значение. Эрудированность ученого также широко проявилась в его многолетнем редактировании периодических и непериодических изданий, а также при реферировании многочисленных статей отечественных и зарубежных авторов.

Все эти качества Юрия Николаевича снискали ему в научном мире огромное уважение и любовь. В этой связи вспоминается следующий случай. Летом 1948 г. академик А. А. Гроссгейм, находясь на отдыхе в Сухуми, изъявил желание посетить «Ясочку» — бывшую вороновскую усадьбу в Цебельде. Будучи человеком уже очень больным, Александр Альфонсович мужественно преодолев тридцатикилометровый путь по горным дорогам, не смог уже пешком пройти последние 200 м до усадьбы. С высоты соседнего холма он долго задумчиво вглядывался в выступающую из зелени крышу вороновского дома и был очень счастлив, что ему удалось хотя бы издали увидеть то место, где жил Юрий Николаевич.

Большинство из 230 публикаций Ю. Н. Воронова посвящено изучению флоры Юго-Востока СССР и Кавказа. В то же время ученый оставил немало работ по теоретическим проблемам ботанической географии и истории

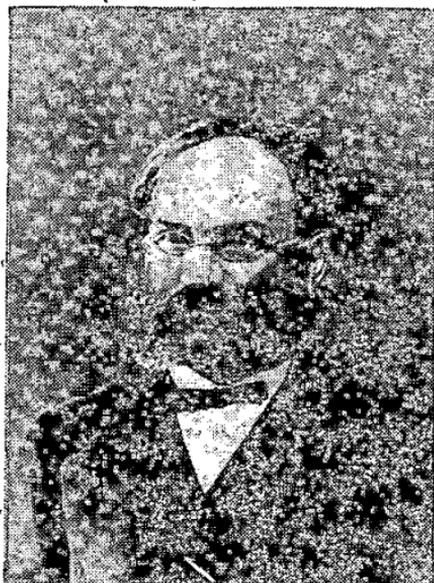
⁸ Воронов Ю. Н. Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет. — Изв. Абхаз. науч. о-ва, 1925, вып. 1, с. 19—37.

флоры. Свои теоретические обобщения он дал уже в монографиях «Материалы для флоры Кавказа». Это издание, по существу созданное Н. И. Кузнецовым, и поныне поражает нас глубиной исследований и изяществом обработки. Ю. Н. Воронов большое внимание уделял также изучению низших растений. Ему принадлежит; в частности, первая сводка по общей микофлоре Кавказа, которая до него была почти неизвестной.

Значительное число публикаций Юрия Николаевича касается многих практических вопросов. Сюда следует отнести работы по диким плодовым и пробконосным растениям, акклиматизации растений на Черноморском побережье Кавказа, а также по охране памятников природы и организации заповедников. Последний период его жизни был в значительной мере посвящен работам по проблеме каучуконосов умеренных и субтропических районов. К этому же периоду относится деятельное участие Ю. Н. Воронова в разработке теоретических основ одной из крупнейших в мире тридцатитомной «Флоры СССР», в которую вошли все данные его многолетних исследований.

Путь к вершинам

Юрий Николаевич Воронов родился 1 июня 1874 г. в Тифлисе. Его отец, Николай Ильич Воронов, известный этнограф, педагог, литератор, журналист и статистик, в 1862 г. за активное участие в деятельности общества «Земля и Воля» был сослан на Кавказ. Здесь он занимал ряд ответственных должностей — возглавлял Кавказское отделение Русского географического общества, был редактором-издателем газеты «Кавказ», редактировал и частично укомплектовывал своими статьями девятитомный «Сборник сведений о Кавказских горах» и т. д. Жена Николая Ильича, Александра Константиновна, под конец жизни с гордостью вспоминала, что «родилась в седле». Ее отец, майор К. Прогульбицкий, и дед, полковник М. И. Старов, служили в войсках кавказской линии, сражались с турками, персами и восставшими горцами. Небогатым офицерам приходилось, переезжая из крепости в крепость, возить с собой семью. Как Вороновы, так и Прогульбицкие не имели никакого состояния. Лишь за

Николай Ильич
Воронов
(1878)

Александра Константиновна
Прогульбицкая-Воронова
(1864)

два месяца до рождения Юрия его отец был пожалован за заслуги по изучению народов Кавказа участком земли в древнем абхазском селе Цебельда¹.

В 1881 г. семья Вороновых переехала из Тифлиса в Абхазию в свою цебельдинскую усадьбу, получившую имя «Ясочка». Здесь в течение четырех лет Юрий под руководством прикованного к постели отца прошел начальный курс гимназии, в которую он не смог поступить вовремя из-за отсутствия у родителей необходимых для этого средств. Среди замечательной цебельдинской природы мальчик очень рано увлекся собиранием растений, ловлей бабочек и жуков. С помощью книг учился распознавать свои находки, систематизировал и описывал их. Только в октябре 1885 г. Юрий был принят «во уважение к заслугам коллежского советника Воронова как преподавателя и издателя сведений о Кавказе... в число экономических пансионеров» Кутаисской гимназии. Средства на жизнь в первое время он получал за счет заложенных и

¹ Лейберов И. П. Цебельдинская находка. М.: Политиздат, 1976, с: 71, 72.

«Ясочка» — дом Вороновых в Цебельде (1902)

проданных вещей отца. С осени 1887 г. Юрий начинает самостоятельно зарабатывать репетиторством.

С самого начала обучения в гимназии Ю. Н. Воронов проявляет незаурядные способности и вскоре становится лучшим учеником Кутаисской гимназии. Так, по свидетельству документов, в 1888 г. «ни один ученик из 550» не имел таких высоких оценок, как Воронов, который за это был представлен попечителю округа Яновскому, прозорливо назвавшему способного гимназиста «профессором». В конце 1888 г. он в качестве первого ученика был представлен императрице, посетившей Кутаисскую гимназию. Болезнь заставила прервать обучение на два года, и поэтому Ю. Н. Воронов закончил Кутаисскую гимназию лишь в 1894 г., получив золотую медаль².

Уже в школьные годы юноша серьезно увлекся зоологией, энтомологией и ботаникой. С 1891 г. он начал

² *Лейберов И. П.* Там же, с. 88—92; *Бобров Е. Г.* Памяти Юрия Николаевича Воронова (к 100-летию со дня рождения). — Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1214.

систематические сборы гербария абхазской, в первую очередь цебельдинской, флоры. Так, согласно данным ботанической литературы, Воронов проводил сборы растений в 1891 г. у с. Юрьевское (Цебельда)³, в 1892 г. в окрестностях Юрьевского, Цебельды и Дранды, в 1893 г. на горе Апианча, в ущелье Клыча и в окрестностях Кутаиса, в 1894 г. в окрестностях с. Мерхеул⁴.

Ю. Н. Воронов —
выпускник Кутаисской гимназии
(1894)

В августе 1894 г. Ю. Н. Воронов поступил на отделение естественных наук физико-математического факультета Новороссийского университета (г. Одесса), где начал специализироваться по зоологии. Он слушает лекции, много занимается в Одесской городской публичной библиотеке, пробует себя на литературном поприще — пишет стихи, пьесу, изучает украинский язык, читает произведения А. И. Герцена⁵. В феврале 1895 г. он сообщает домой: «Из предметов меня по-прежнему и уже навсегда увлекает зоология со всеми ее отраслями». Однако жизнь все повернула иначе.

Летние каникулы 1895 — 1896 гг. Ю. Н. Воронов посвящает сбору гербария абхазской флоры. Основное внимание он опять же уделяет флоре окрестностей Цебельды (Юрьевское, Полтавское, Ягиш, Апианча и др.), параллельно ведет сборы и в других районах Колхиды (Кобулет, Кутаис). Его гербарий привлекает внимание су-

³ Здесь и ниже географические названия пунктов сборов даются по оригиналам публикаций.

⁴ Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1904, т. 5, вып. 1, с. 93; Flora caucasica critica. Юрьев, 1904—1910, т. 3, вып. 4, с. 497; 1908, т. 3, вып. 7, с. 26, 58; вып. 9, с. 250; и др.

⁵ Лейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 92.

хумских растениеводов (П. Е. Татаринов, В. И. Чернявский и др.). В августе 1896 г. Юрий Николаевич переводит свои документы в Московский сельскохозяйственный институт, а затем в Московский университет.

7 января 1897 г. Ю. Н. Воронов уезжает во Францию для продолжения образования. С января 1897 г. по май 1898 г. он прошел полный курс в сельскохозяйственном колледже в древнем городе Монпелье («скрытая гора») — крупнейшем центре французской ботанической науки, виноделия и виноградарства с одним из наиболее знаменитых европейских ботанических садов. Живя в Монпелье, Ю. Н. Воронов выписывал из России «Вестник Кавказского общества сельского хозяйства», следил за всеми французскими журналами, из Германии получал ведущий сельскохозяйственный журнал. 9 марта 1897 г. он писал матери: «Мною овладела какая-то лихорадочная жажда учиться, учиться всему, всем наукам, абстрактным, конкретным, теоретическим и прикладным; я слушаю ботанику, геологию, французскую литературу и политическую экономию; не пропускаю публичных лекций и рефератов и читаю дома книжки по различным отраслям. Я чувствую, что с приездом сюда началась новая эра моей жизни, от которой все будущее зависит»⁶.

В колледже Ю. Н. Воронов занимался под руководством крупного французского ботаника Шарля Флао, влияние которого отразилось на всей дальнейшей научной деятельности молодого исследователя. Особенно высоко он ценил прослушанные им в университете г. Монпелье курсы лекций Ш. Флао по общей ботанике, агрономической химии и микологии. Профессор Флао был выдающимся систематиком. Он любил выводить своих учеников на лоно природы для практических занятий. 10 мая 1897 г. Ю. Н. Воронов писал матери в Цебельду: «Флао очень милый человек, веселый, остроумный. Весь обед он... рассказывал нам о своих путешествиях... Мы все представляли одну семью, связанную одним интересом».

Учась во Франции, Ю. Н. Воронов стремился ознакомиться с новейшими достижениями агрономической науки, посещал фабрики, где производились сельскохозяйственные орудия для виноделия, плуги и т. д. Делал он все это, помня о российском крестьянине, которому, как полагал, будут полезны накопленные им в Европе знания.

⁶ Там же, 93.

19 августа 1897 г. он пишет в «Ясочку»: «Почему не вводить усовершенствованных орудий у нас; если не-может приобрести машин какой-нибудь один крестьянин, то целое село или община легко это могут сделать; и единственно, что может предотвратить порабощение его машиной, это научиться самому пользоваться машиной и приобрести ее, если нельзя самому, то в сообществе с другими. Наше же дело, это показать ему, крестьянину, преимущество машинного труда перед ручным, научить его пользоваться машинами и помочь их приобрести»⁷.

Ю. Н. Воронов мечтал о создании в Закавказье и Средней Азии крупных сельскохозяйственных кооперативов-товариществ на основе новейших достижений агрономической науки, с организацией сельскохозяйственных высших учебных заведений. 26 ноября 1897 г. он пишет матери: «Ну, ты только представь себе следующую картину. Среди страны, где культурные способы ведения хозяйства совершенно отсутствуют, выбрано место, подходящее для самых разнообразных сельскохозяйственных отраслей. Каждая отрасль имеет своего специалиста: есть полевод, есть специалист по различным ценным культурам, есть скотовод и специалист по молочному хозяйству, есть винодел и виноградарь и т. д. Культура и хозяйство ведутся интенсивно, т. е. на данном пространстве стремятся извлечь максимум выгод, что влечет за собой введение машин, а следовательно, уменьшение стоимости продукта производства. Для того чтобы иметь у себя знающих и умеющих людей, тут же возникают школы, в которых для обучения берутся местные учителя, учащиеся обучаются за счет общества... Так как в настоящее время необходимо быть в курсе настоящего нового слова в науке, в целях самого же товарищества будут производить проверки опытов, самостоятельные опыты и исследования; необходимы, значит, опытные станции, поля, фермы. Руководит опытами тот же специалист, под его руководством работают те же практики, вышедшие из школы товарищества... Кто боится труда, тому нет места в этом товариществе, тут каждый должен трудиться столько же, сколько будет работать простой чернорабочий... Мне лично все это кажется возможным и если бы нашлись на Кавказе люди, сочувственно отнесшиеся к подобному

7 Там же

ADIB SOBIR, TERMIZIY NOMIDAGI
SURXONDARTO VILOYATI AXBOROT
KUTUBXONA MARKAZI
Ю. Н. Воронов 08749/17
200 7у.

БЕЛЫЕ МЕДИ УТЕМА
ИМ. ГОГОЛЯ

плану, я сейчас же бы принялся за устройство его. Этот план — наше детище...»⁸.

В июле—августе 1897 г. Ю. Н. Воронов прошел практику по виноделию в Боне (Южная Франция), а в мае—июне 1898 г. — в школе виноделия в Сен-Мишеле (Тироль). В июне—июле 1898 г. он совершил ряд путешествий по Альпам, Северной Италии, Южной Австрии (Ривадель-Гардо и др.), где занимался сбором растений. Эти годы для молодого исследователя оказались продуктивными. Он в совершенстве изучил ряд европейских языков — французский, немецкий, английский, итальянский, испанский, а также освоил фотододело. Одновременно он знакомится с трудами Дарвина, Спенсера, Гельмгольца, Маркса и Энгельса, слушает выступления Ж. Жореса, болезненно переживает «дело Дрейфуса». В своих письмах из Европы он сообщал массу интересных сведений о настроениях молодежи, рабочем движении, политической обстановке, местных нравах и обычаях⁹. Вместе с тем Ю. Н. Воронов постоянно мечтал о возвращении на Родину. 15 июля 1898 г. он пишет: «Меня всегда будет тянуть к себе в Россию, и даже не в Россию, а именно на Кавказ; Кавказ всегда был предметом моей внутренней жизни, моих мыслей и в Одессе, и в Москве, и в Монпелье, и здесь; только его интересы мне дороги, только его радостям могу я радоваться, его горем страдать...»¹⁰.

В августе 1898 г. Юрий Николаевич проводит несколько дней в Берлине, откуда возвращается в Россию. В сентябре того же года он поступает на работу садовником в сухумское имение тогдашнего тифлисского губернатора князя Шервашидзе. Он принимает активное участие в создании Сухумского общества сельского хозяйства, становится одним из первых его членов, отстаивает демократический характер этой организации. 3 февраля 1899 г. Воронов по этому поводу писал: «Сомневаюсь, правду сказать, в том, чтобы Общество действительно оказало пользу краю, уже на первом заседании постановка и разрешение некоторых вопросов показали, что это скорее сплоченный синдикат земледельцев и землевладельцев, преследующий выгоды своих членов, чем Общество в истинном смысле этого слова, Общество, для которого нет различия между

⁸ Там же, с. 94, 95.

⁹ Там же, с. 96, 97.

¹⁰ Там же, с. 97.

членами и нечленами Общества, лишь бы только они нуждались в помощи и поддержке...».

В период обучения за границей по просьбе Юрия Николаевича сборами растений занимались сестры, особенно старшая Ольга Воронова. Вернувшись домой, он очень скоро увеличивает свой гербарий до 1500 листов. На территории Абхазии ведет сборы в окрестностях Сухуми, Бабушеры, Нового Афона, Цебельды, Полтавского, Юрьевского, в низовьях р. Келасури. В августе 1899 г. Ю. Н. Воронов осуществляет экспедицию по ущелью Кодора, где собирает растения в окрестностях сел Чхалта и Ажара, на горе Б. Хутыя (Кутыш) ¹¹.

Работа в имени Шервашидзе не удовлетворяла молодого ботаника. Постоянные конфликты с князем и его прислужниками, не понимавшими стремлений Ю. Н. Воронова усовершенствовать постановку садового хозяйства, вынудили его оставить службу. Он едет в Петербург, где в ноябре 1899 г. поступает в Лесной институт. Здесь Ю. Н. Воронов сразу же сближается с профессором И. П. Бородиным, под руководством которого работает около двух лет. Весну и лето 1900 г. Ю. Н. Воронов проводит на Кавказе. В мае он собирает растения в окрестностях Батуми (Зеленый мыс и др.), в июле — в окрестностях Анапы, затем в окрестностях Цебельды (ущелье Малой Мачары, Пацхир, Юрьевка и др.), в августе осуществляет несколько горных маршрутов (ущелье Клыча, Санчарский перевал) ¹². В результате он создает гербарий абхазской флоры, рассылая дублиеты профессору Ш. Флао в Монпелье, профессору Ф. М. Каменскому в Одессу, Иоффе в Петербург.

В декабре 1900 г. Ю. Н. Воронов принимает участие в переписи населения Петербурга. По этому поводу он пишет: «Какая масса впечатлений и впечатлений, после которых обо многом поразмыслишь, попризадумаешься. Сколько нищеты и грязи, сколько тьмы и невежества, горя, страданий...» ¹³.

В январе 1901 г. Воронов по согласованию с профессором П. Ф. Лесгафтом в его биологической лаборатории приступает к изучению низших водорослей. 5 февраля

¹¹ *Flora caucasica critica*. Юрьев, 1903—1907, т. 4, вып. 6, с. 53, 134.

¹² *Flora caucasica critica*. Юрьев, 1907, т. 3, вып. 4, с. 205, 336, 497; 1908, т. 3, вып. 9, с. 11.

¹³ *Лейберов И. П.* Цебельдинская находка, с. 110.

1901 г. он пишет домой: «Передай (сестре) Оле... пусть она сушит мне растения... все, что только попадется и ввозможно большем количестве. Меня все здесь засыпают просьбами снабдить их нашими растениями: Бородин просит для Лесного института, Липский — для ботанического сада, коллеги предлагают обмениваться, и, кроме того, я должен непременно послать в этом году Флао...».

Ю. Н. Воронов не оставался в стороне и от общественной жизни. Письма домой изобилуют описаниями студенческих забастовок, сходок в Петербурге, Киеве и других городах России. Воронов отмечал: «... виновата в этом вся атмосфера, в которой приходится жить русскому человеку». 4 марта 1901 г. он принимает участие в студенческой демонстрации на Казанской площади. Во время этой демонстрации были арестованы, в частности, его сестра В. Н. Воронова и О. П. Деклеиз. Воронов посещает пересыльную тюрьму, утешает и поддерживает узниц. В архиве «Ясочки» сохранилось удостоверение за № 889 от 12 марта 1901 г., согласно которому «предъявителю сего слушателю Лесного института Юрию Николаевичу Воронову г. Градоначальником разрешены свидания три раза в неделю с содержащеюся под стражею в Пересыльной тюрьме слуш. Женск. мед. Института Верой Николаевной Вороновой...». Передавая подробности событий домой, Воронов отмечал, что «в правительственном сообщении факты извращены до неузнаваемости»¹⁴. В апреле 1901 г. Ю. Н. Воронов принял активное участие в студенческой забастовке, после чего был вынужден покинуть стены Лесного института. Участие в студенческом движении способствовало росту интересов Воронова к марксистской литературе. Так, в одном из своих писем О. П. Деклеиз — невеста Воронова, сообщала тогда в «Ясочку», что «Юрий искал всюду в Питере перед отъездом вторую часть первого тома Маркса и говорит, что не нашел. Ужасно это досадно...».

Весной и летом 1901 г. Юрий Николаевич продолжает ботанические исследования в Абхазии, обрабатывает и отправляет гербарии профессору И. П. Бородину в Лесной институт, профессору В. И. Липскому в Петербургский ботанический сад и профессору Ш. Флао во Францию. В ответном письме Ш. Флао оценил присланный ему

¹⁴ Там же, с. 113.

гербарий цебельдинской флоры как «драгоценный дар»¹⁵. Основные сборы в 1901 г. Воронов проводил в окрестностях Цебельды (Пацхир, Юрьевское, Апианча, Полтавское и др.), Сухуми (устье р. Дзегута и др.), Нового Афона, в Кодорском ущелье (Багада, Куабчара и др.), в ущельях рек Вямиш, Чхалта и Сакец, на Главном Кавказском хребте (перевалы Аданге, Алаштраху, Санчар, урочище Шхалшдзаа и др.), в низовьях Кодора (Адзюбжа, Скурча и др.)¹⁶. Кроме того, его гербарий пополнился растениями из сборов его сестер — Ольги (окрестности с. Полтавского) и Людмилы (Имеретия, окрестности Самтреды). В мае 1901 г. он снова совершил кратковременную поездку в Анаду, в окрестностях которой собрал несколько десятков степных видов.

В сентябре 1901 г. Ю. Н. Воронов приступает к занятиям в Петербургском университете. По этому поводу он вскоре пишет домой: «Какое впечатление произвела *Alma mater*? Слишком много казенщины, от всего и от всех веет затхлым бюрократизмом, после Лесного института с его сравнительной свободой, здесь дышится труднее. Что касается самой учебной стороны, то ею я почти доволен, большинство профессоров хорошие».

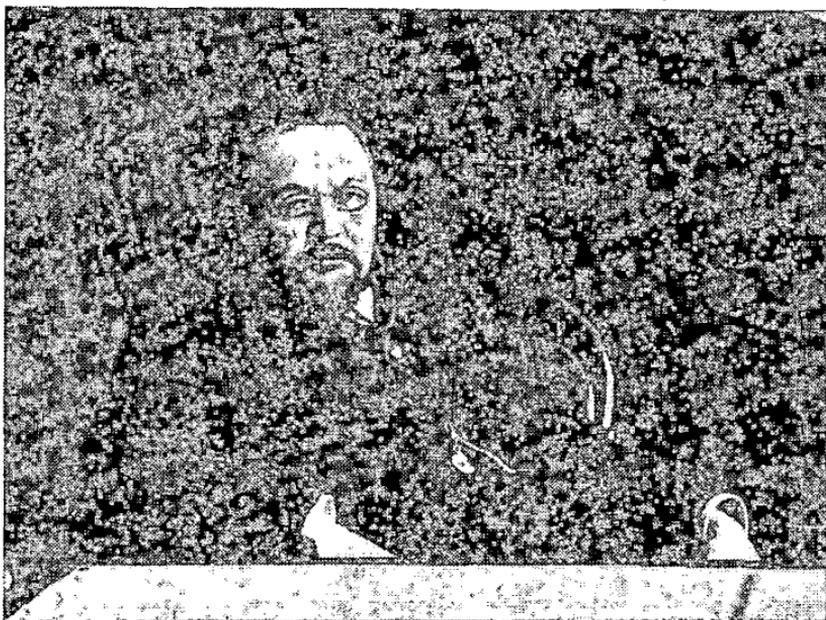
В осенние месяцы 1901 г. Ю. Н. Воронов по предложению профессора И. П. Бородина начинает подготовку к публикации результатов своих летних исследований. В конце года он принимает активное участие в работе секции ботаники на XI съезде естествоиспытателей и врачей в Петербурге, где, как сообщалось в одном из писем, знакомится «почти со всеми выдающимися ботаниками... кроме Тимирязева».

Особо заметную роль в научной биографии Ю. Н. Воронова сыграли такие видные русские ботаники, как Н. И. Кузнецов и Н. А. Буш.

Николай Иванович Кузнецов (1864—1932) — крупнейший русский ботанико-географ, флорист, систематик-фитогенетик, исследователь флоры и растительности Кавказа. Окончил Петербургский университет в 1888 г.; ученик А. Н. Бекетова, А. С. Фаминцина и Х. Я. Гоби. В 1895 г. защитил магистерскую диссертацию, в том же году занял профессорскую кафедру в Юрьевском

¹⁵ *Коложковский А. А. Жизнь, отданная науке* (к 100-летию со дня рождения профессора Ю. Н. Воронова). — Сов. Абхазия, 1974, 14 июня, с. 2.

¹⁶ *Flora caucasica critica*. Юрьев, 1903, т. 4, вып. 1, с. 301, 401, 417, 445, 504 и др.

Профессор Николай Иванович Кузнецов (1864—1932)

университете, с 1904 г. — член-корреспондент Российской академии наук; автор свыше 350 работ. Главные исследования Н. И. Кузнецова, которые он начал в 1888 г., связаны с планомерным изучением Кавказа (флора и ее генезис, растительный покров, вопросы ботанико-географического районирования). Он изучал Кубанскую область (1888), Терскую область, Дагестан и Черноморский округ (1889), Тифлисскую губернию, Имеретию, Мингрелию и Сванетию (1890), Армению (1900) и другие районы Кавказа. Н. И. Кузнецов вместе со своими учениками создал замечательный труд — «Критическая флора Кавказа», 45 выпусков которой были опубликованы в 1901—1916 гг. Эта работа представляла собой первый опыт коллективного составления русской флоры и отличалась тщательностью обработки материалов и обилием данных по географии и истории кавказской флоры. На основе этого труда и своих многочисленных поездок по Кавказу Н. И. Кузнецов написал очень важную работу «Принципы деления Кавказа на ботанико-географические провинции» (1909), где он дал впервые очерк истории флоры и растительности Кавказа, начиная с третичного периода, выделив на его территории 19 ботанико-географических провинций. Н. И. Кузнецов был блестящим научным организатором; деятельность его в этом направлении весьма способствовала развитию отечественной ботаники, в частности флористики, систематики, ботанической географии и картографии. Достаточно назвать лишь два организованных им научных журнала — «Труды Ботанического сада Юрьевского университета» (1900—1914) и «Вестник русской флоры» (1915—1917),

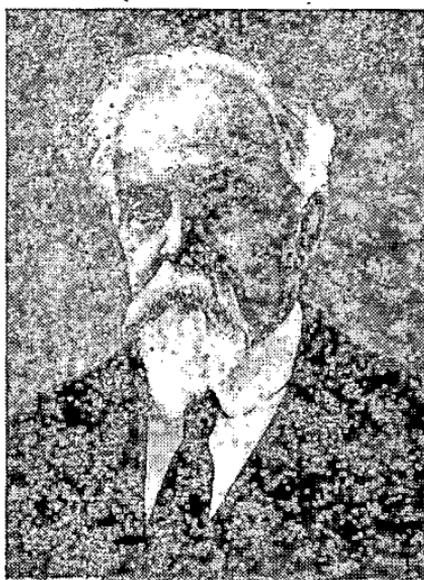
которые объединили огромный круг как профессиональных ботаников, так и любителей, опубликовавших на страницах этих изданий множество ценных оригинальных статей, рецензий, рефератов, хроник. Н. И. Кузнецов является создателем одной из наиболее плодотворных школ русских систематиков и ботанико-географов. Среди его учеников были такие крупные кавказоведы-ботаники, как Н. А. Буш, Ю. Н. Воронов, П. И. Мищенко, Д. И. Сосновский, А. В. Фомин, Н. П. и П. П. Поповы и многие другие¹⁷. Н. И. Кузнецов с постоянным вниманием следил за работами Ю. Н. Воронова, вел с ним обширную переписку, рецензировал его статьи, стимулировал многие работы, поиски молодого ботаника.

Весьма плодотворным для Ю. Н. Воронова на первых порах его научной карьеры было сотрудничество с Н. А. Бушем. Николаем Адольфович Буш (1869—1941) — выдающийся систематик, флорист, ботанико-географ, исследователь флоры и растительности Кавказа. Закончил Лесной институт в Петербурге. В 1902—1912 гг. работал консерватором Петербургского ботанического сада, затем, до 1931 г., — старшим ботаником Ботанического музея Академии наук. В 1903 г. защитил магистерскую, а в 1911 г. — докторскую диссертации. С 1920 г. Н. А. Буш — член-корреспондент Академии наук СССР. Изучением флоры Кавказа занялся в 1894 г. Исследования проводил в Талыше (1894), вдоль Военно-Грузинской дороги и в Западном Закавказье (1895), на Западном Кавказе от Анапы до Эльбруса (1896—1899, 1907—1909), в Хевсуретии и Тупетии (1903); в Дагестане и Кахетии (1904), в Терской области (1911 и 1913), в Балкарии и Дигории (1925, 1927, 1931), в Южной Осетии (1928—1930, 1933, 1935—1938) и Армении (1932). Перу Н. А. Буша принадлежит около 200 научных публикаций, книг и заметок¹⁸. Особенно тесно сотрудничал с Юрием Николаевичем в период подготовки и публикации коллективного труда «Список гербария кавказской флоры», реферировал многие работы Ю. Н. Воронова, присвоил его имя двум видам растений.

Научные занятия в этот период, как и прежде, сочетаются у Ю. Н. Воронова с участием в студенческих волнениях. Он сближается с активистами организации «Касса радикалов», с конца 1901 г. возглавившей революционное движение студентов Петербургского университета, в особенности с одним из руководителей этой организации Б. Е. Райковым, впоследствии известным советским биологом, доктором наук, профессором. 5 февраля 1902 г. Юрий Николаевич принимает активное участие в студенческой демонстрации, за что получает 23 февраля выговор с последним предупреждением. 18 февраля сестра Воронова Людмила писала домой из Петербурга: «Теперь идет суд над универсантами, бывшими на сходке. Веро-

¹⁷ Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь / Сост. С. Ю. Липшиц. М., 1952, т. 4, с. 564—580.

¹⁸ Русские ботаники, 1947, т. 1, с. 328—334.

Член-корреспондент АН СССР
Николай Адольфович Буш
(1869—1941)

ятно, и их всех исключат. Юрий тоже теперь подсудимый...»¹⁹. В марте Ю. Н. Воронов снова на Кавказе.

Весна и лето 1902 г. были весьма плодотворными. В марте—апреле Воронов ведет интенсивные сборы в окрестностях Цебельды (Полтавское, Юрьевское, Пацхир, Апианча, Агыш, Терзеул и др.), Нового Афона (Псырцха, Анакопия и др.), на побережье между Сухуми и Кодором (Дзегута, Келасури, Мачара и др.), у Гагры, Пицунды и Очамчыры, составляет список растений, распространенных в междуречье Беслетка—Мачара²⁰.

В начале мая в Абхазию приезжает известный ботаник Ф. Н. Алексеенко, который планировал совершить с Вороновым путешествие из Абхазии в Персию.

Федор Никитич Алексеенко (1870?—1904) — «красивый белокурый юноша с тихим задумчивым лицом» (по воспоминаниям большевика-искровца П. Н. Лепешинского) — был талантливым флористом-систематиком, путешественником и коллектором. Учился в Лесном институте в Петербурге. С 1897 г. в течение шести лет изучал Кавказ, собрав здесь свыше 15 тыс. листов гербария, за который в 1903 г. получил Баровскую юбилейную медаль. Состоял в социал-демократической рабочей партии. Был убит при неудачной попытке переправиться через швейцарско-французскую границу с чемоданом революционных русских изданий²¹.

Ф. Н. Алексеенко и Ю. Н. Воронов, проведя совместные сборы в окрестностях Цебельды (Юрьевское, Пацхир и др.), Сухуми (Маяк, Беслетский мост, устье р. Кела-

¹⁹ Лейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 126.

²⁰ Флора саусасика критика. Юрьев, 1903, т. 4, вып. 1; с. 482, 524, 554 и др.; Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 13, с. 12; Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1902, т. 3, вып. 1, с. 139; Тр. Тифлис. ботан. сада, 1906, т. 9, вып. 1, с. 57.

²¹ Русские ботаники, т. 1, с. 36; Лейберов И. П. Цебельдинская находка, с. 140, 141.

сури и др.), направились в Поты, а затем сделали сборы в окрестностях Гори и дальше вблизи ряда железнодорожных станций до Дербента; в течение недели занимались исследованием флоры горного Дагестана, пройдя по маршруту Дербент—Уллу-чай-кент—Миш-гели—Гюрумша—Ургах—Буршаг—Джуфу-даг—Курах — Арсул — Масудере—Арахит—Билиджан²².

Вернувшись из Дагестана, Ю. Н. Воронов, которому в Петербургском университете специально поручили провести ботанические исследования в тогдашнем Русском Лазистане, и Ф. Н. Алексеенко отправляются в Батуми. В течение 10 дней они ведут интенсивный сбор растений в Батумском округе по маршруту Батум—Чорох—Гонно—Макриал—Джурфук—Бехлеван—Квахерхи-дереси — Мургул-су—Сатиб — Ичхала-су—Маманат—Могвени — Мургул-су—Эрегуна—Н. Кура—Дзансул—Капарджет—Осман-даг—Капарджет—Камелет—Чорох—Марадиди — Капандиди—Батум. «Для меня же эта экскурсия, — писал позже Воронов, — являлась прямым продолжением ботанико-географического исследования Западного Закавказья»²³. В этой экспедиции был собран богатый гербарий, насчитывавший более 4000 листов и включавший большое число новых и редких для Кавказа видов растений.

Из экспедиции Ю. Н. Воронов аккуратно пишет письма в Юрьев профессору Н. И. Кузнецову. В одном из них он сообщал: «Такой массы рододендронов и такого разнообразия их окраски, как в верховьях Мургул-су при подъеме на яйлу Эгри-су, мне никогда не приходилось видеть, и нужно быть художником, чтобы изобразить ту поистине волшебную картину, которая развертывается под ногами у зрителя, стоящего на границе альп[ийских] и субальп[ийских] областей; оттенки варьируют от бледно-желтого, почти палевого, до ярко-карминово-красного цвета, причем то целые пространства покрыты пышными букетами одного цвета, то склон горы представляет из себя пестрый ковер нежных колеров. Повторяю, словами не передать всей прелести этой картины, но у увидевшего ее однажды она не изгладится из памяти»²⁴. В одном из писем Воронов с восхищением пишет о проводнике, который

²² Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1902, т. 3, вып. 2, с. 220.

²³ Там же, 1905, т. 5, вып. 4, с. 213—230.

²⁴ Flora caucasica critica. Юрьев, 1908, т. 4, вып. 1, с. 484.

сопровождал его в этой экспедиции: «Абхазец по происхождению, лас по воспитанию, привычкам и внешности, статный и бравый, лихой наездник и прекрасный знаток местности, он всю дорогу до Бехлевана служит мне интересным собеседником, сообщая различные интересные сведения о природе и быте этого своеобразного уголка»²⁵. В районе с. Капарджет молодой исследователь был задержан пограничниками, которые усомнились в его русском происхождении, так как слышали, как он оживленно беседовал по-турецки со своими проводниками. Юрий Николаевич отличался исключительными языковыми способностями и еще в детстве овладел абхазским, грузинским, мегрельским, армянским, новогреческим и турецким языками.

По возвращении из Батуми Воронов продолжает ботанические исследования в Абхазии. Здесь он осуществляет две значительные высокогорные экскурсии. Первая десятидневная экскурсия проходила по маршруту Цебельда—Багада—Лата—Чхалта—Ацгара—Чхалтадзых—Эрцаху. Ю. Н. Воронов исследовал местность (Эрцаху), где до него не бывал ни один ботаник. Вторая экскурсия проходила по маршруту Гудаута—Звандриш—Отхара—Бармыш—Блабурхва—Арх-доу—Чипшира—Напра. Гербарий, собранный Юрием Николаевичем во время этих экспедиций, включал 800 видов растений в нескольких тысячах экземпляров. 130 видов растений оказались новыми для Абхазии²⁶.

Возвратившись в Петербург, Ю. Н. Воронов оформляется на работу в Ботанический сад и продолжает работать в Ботаническом кабинете Академии наук. По просьбе профессора В. И. Липского он включается в составление труда по флоре Сибири, параллельно работая над темой «Опыт цебельдинской флоры». В октябре 1902 г. Юрий Николаевич присутствовал на докладе профессора В. Л. Комарова о его путешествии на Саяны и в Монголию. После доклада профессор И. П. Бородин предложил Воронову принять участие в экспедиции в Монголию, запланированной на лето 1903 г., на что молодой исследователь дал согласие.

В январе 1903 г. Юрий Николаевич делает публичный доклад о флоре Батумского округа, а затем вклю-

²⁵ Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1904, т. 5, вып. 4, с. 218.

²⁶ Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей, 1905, т. 34, с. 1—32; Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1906, вып. 2, с. 22, 23.

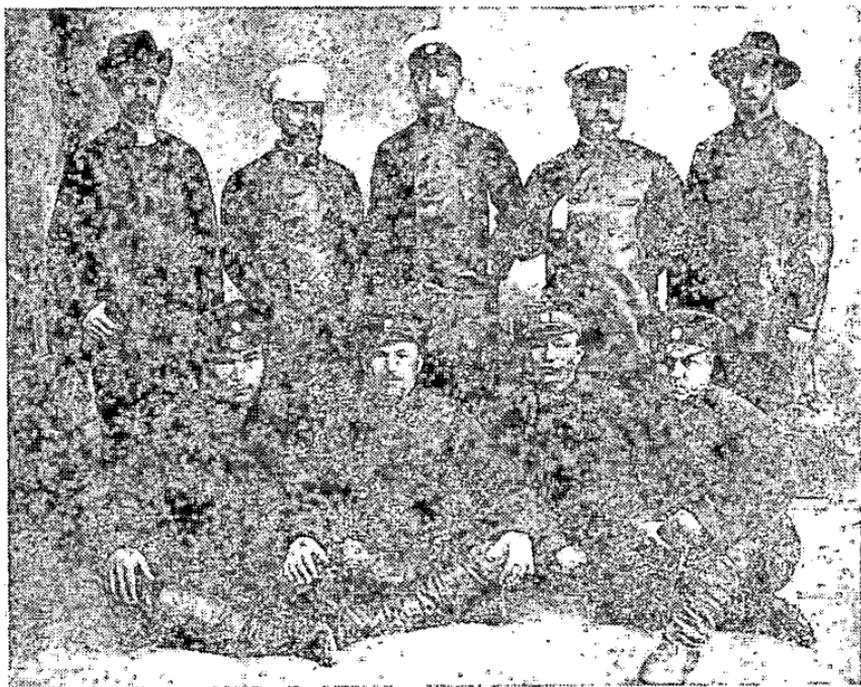
чается в подготовку «Гербария русской флоры», в котором еще в 1902 г. публикует свою первую статью. С живейшим вниманием Воронов следит за развитием ботанической науки в Абхазии. Узнав, что в Сухуми переехал В. В. Маркович, он пишет домой: «Оказывается, что заведующим Сухумским ботаническим садом и Опытной станцией теперь назначен мой знакомый Маркович, ярый ботаник, который, наверное, сумеет хорошо поставить их, а кроме того, сделает кое-что и для ботаники. Я очень этому рад, потому что знаю как очень дельного человека и страстного любителя-ботаника, он не чета всем своим предшественникам»²⁷.

Василий Васильевич Маркович (1873—1940) — крупнейший ботаник-растениевод, систематик, фенолог, автор свыше 150 научных работ. В 1891 г. закончил Ново-Александровский институт сельского хозяйства и садоводства, впоследствии профессор. Свою научную карьеру начал с изучения флоры и ледников Кавказа, за что был награжден золотой медалью Русского географического общества. В 1903 г. становится заведующим сначала Сочинской, а затем Сухумской опытной станцией, параллельно возглавив Сухумское общество сельского хозяйства. В период первой русской революции выступил с открытой критикой «Манифеста 17 октября» и требованием созыва Учредительного собрания, а у себя на станции официально разрешил рабочим праздновать 1 Мая. В 1924 г. переезжает в Ленинград, где становится сотрудником Всесоюзного института растениеводства. Участвует в экспедициях по Индии, Цейлону, Японии, Китаю, Индонезии и Палестине. В. В. Маркович много и плодотворно работал в области интродукции и акклиматизации субтропических растений, уделяя особое внимание померанцевым, бамбуковым, маслинам, чаю, а позднее и хинному дереву, чем внес большой вклад в борьбу с малярией на Кавказе²⁸. Жизнь многократно сводила Воронова с В. В. Марковичем. Результатом их плодотворного сотрудничества, в частности, было совместное с Н. А. Бушем издание «Списка гербария кавказской флоры» (1905—1909).

В эти месяцы Юрий Николаевич решает, что ему диплом высшего учебного заведения не нужен. По этому поводу он писал: «... Для меня лично диплом потерял всякое значение... чем ближе я присматриваюсь к условиям службы, будь то в Академии наук, будь то в Ботаническом саду, я все больше убеждаюсь, что только крайняя безысходная необходимость могла бы заставить меня служить, и в этих условиях чиновничества и любимая работа мне бы опостышела. Я физически негоден

²⁷ Колаковский А. А. Жизнь, отданная науке..., с. 2.

²⁸ Прицкер Л. М. Ученый-патриот. — Сов. Абхазия, 1973, 4 окт., с. 3.

Монгольская экспедиция 1903 г. Второй слева стоит Ю. П. Воронов

для службы, которая у нас есть непременно чиновничество... Я могу жить и работать только в условиях полной личной независимости и свободы. Такой характер с точки зрения современности является вещью никуда не годной и обладателю его не сулит ничего хорошего...»²⁹

В апреле 1903 г. Воронов проводит краткие ботанические сборы в окрестностях Сухуми. В начале мая 1903 г. Русское географическое общество командует его в Монголию в составе экспедиции, которую возглавил капитан Попов. С 21 мая по 4 июня 1903 г. Юрий Николаевич проводит сборы ботанических коллекций и геологических образцов в Канском округе, а с 5 июня по 26 июля — в Минусинском округе Енисейской губернии, 9 августа экспедиция миновала границу с Монголией. Дальше Воронов по самостоятельному маршруту двинулся в Западную Монголию, откуда затем в сере-

²⁹ Колаковский А. А. Жизнь, отданная науке..., с. 2.

дине сентября добирается до Иркутска³⁰. Экспедиция проходила в очень сложных условиях. Вот как об этом писал сам исследователь: «Трудно далась нам переправа через р. Кизыр, едва не ставшая жизни двоим из состава нашей экспедиции. Но самым трудным оказался путь от Кизыра: мы пошли без проводника, без тропы по глухой тайге, то прорубаясь через колодник, то пробираясь болотами, где даже наши верховые лошади, которых теперь приходилось вести на поводу, увязали по брюхо, а вьючных приходилось вытаскивать из вязких можечин; то и дело приходилось переправляться через горные ручьи и речки, в обыкновенное время почти пересыхающие, теперь же бушующие и клокочущие. Тут мы лошадей пускали вброд или вплавь, а сами с багажом перелезали по импровизированным мостам, попросту по 1—2 пихтам, перекинутым через реку. Прибавьте к этому, что почти весь этот путь мы шли под непрерывным дождем, не успевая даже просушиться как следует. Наконец, что с приближением к р. Кизыру, удовольствие наше стало подходить к концу, что хотя с восхода солнца до наступления сумерек мы находились в пути более 6 верст... вначале глубокие снега, затем непрерывные дожди не давали возможности вести как следует не только сбор коллекций, но даже и наблюдения: растения загнивали и плесневели, сделать просушку при том темпе нашего хода, без дневок, было невозможно; лучше всего, сравнительно, продвигалась коллекция насекомых, фотографирование шло довольно туго; геологические наблюдения приходилось вести урывками...»³¹. Результаты сборов Юрия Николаевича в этой экспедиции нашли свое отражение в литературе. В частности, гербарий из Енисейской губернии составил 449 «прекрасно собранных» растений, обработанных затем профессором И. П. Бородиным.

В начале октября 1903 г. Ю. Н. Воронов возвращается в Сухуми, где оформляется ассистентом в Ботанический сад. Тогда же его избирают в правление Сухумского общества сельского хозяйства. В одном из писем А. К. Вороновой, хранящихся в «Ясочке», говорится, что он «все время в Сухуме у Марковича. Они вместе работают по ботанике, возрождают Сухумское общество сель-

³⁰ Тр. Ботан. музея Академии наук. СПб., 1908, т. 4, с. 21, 22.

³¹ Изв. Рус. геогр. о-ва. СПб., 1903, т. 39, вып. 3, с. 267—269.

ского хозяйства, составляют проект, смету будущей своей экспедиции в неизведанные места Абхазии». Воронов включается также и в редактирование «Вестника Сухумского общества сельского хозяйства». В 1903 г. он публикует две работы, одна из которых посвящена монгольской экспедиции, а вторая — новому интересному зонтичному с Кавказа.

В январе 1904 г. Ю. Н. Воронов завершает полный отчет о своей экспедиции в Монголию и отправляет его в Петербург. В марте—апреле того же года при посредстве П. Ф. Лопатина он организует питомник вишневых деревьев в усадьбе своей матери в Цебельде; параллельно ведет сборы растений в окрестностях Сухуми и Цебельды (Юрьевское, Полтавское и др.), в Пицунде, в низовьях Кодора (Адзюбжа, Скурча, Цхургили—Язон и др.)³². Летом 1904 г. он завершает статью о ботанических исследованиях в Батумском округе в 1902 г., а в конце 1904 г. совершает кратковременную поездку в Петербург. В течение года Воронов публикует 12 работ — статьи, посвященные успехам акклиматизации различных тропических растений на Черноморском побережье Кавказа, заметки по флоре Абхазии, о лекарственных растениях, рефераты ряда работ.

В течение 1904—1905 гг. Ю. Н. Воронов принимал деятельное участие в работе Сухумского общества сельского хозяйства, на заседаниях которого он обычно выступал в качестве председателя или заместителя председателя. Тогда же он вместе с Н. А. Рулицким подготовил к изданию «Руководство по субтропическим культурам», которое должно было выйти под редакцией В. В. Марковича³³. В начале 1905 г. Ю. Н. Воронова избирают в комиссию для рассмотрения вопроса о введении земских учреждений в Сухумском округе, несколько позже — в постоянную комиссию по рассмотрению экономических вопросов Сухумского общества сельского хозяйства. Параллельно он занимается изучением степени филлоксерного заражения в Абхазии³⁴.

Большую часть 1905 г. Ю. Н. Воронов продолжает работать в Сухумском ботаническом саду и в Сухумском обществе сельского хозяйства. Летом 1905 г. он осуществ-

³² Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1905, т. 6, вып. 3, с. 133—137.

³³ Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 1/2, с. 31.

³⁴ Там же, с. 3; № 4, с. 165; № 6/7, с. 297, 300.

вляет на средства Тифлисского ботанического сада экспедицию в высокогорья северо-западной Абхазии по маршруту Гагра—Калдахвара—Мамзышха—Кутыш—Ахагваш—Кутыш—Арабика—Шмяк—Ашемпыдж—Дзо—Бюшха—Ахахцара и обратно³⁵; ведет сборы и в других пунктах Абхазии (Сухуми, Цебельда и др.). В сентябре 1905 г. Ю. Н. Воронов, отказавшись от предложения принца Ольденбургского занять должность главного садовника на Гагрской климатической станции, уезжает в Петербург, где оформляется на работу в Ботанический музей Академии наук. В течение 1905 г. Ю. Н. Воронов публикует восемь работ, посвященных главным образом итогам ботанического исследования Абхазии и Лазистана. В том же году он совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем приступил к изданию «Списка гербария кавказской флоры». Эту серию, выходящую отдельными выпусками в 1905—1909 гг., составили 14 выпусков по 25 видов в каждом, а всего 350 видов растений Кавказа. 15 сентября 1905 г. профессор Н. И. Кузнецов на заседании Юрьевского общества естествоиспытателей продемонстрировал первый выпуск этого издания и выразил пожелание, чтобы аналогичная работа была проведена относительно гербария водных растений Прибалтики³⁶.

О демонстрации, состоявшейся 18 октября 1905 г. перед университетом в Петербурге, Воронов пишет письмо в «Ясочку», которое заканчивает следующими словами: «Борьба еще далеко не окончилась, каждый шаг к политической свободе еще придется отвоевывать, но теперь уже победа несомненно в руках народа, а то, что ему не хотят дать, он возьмет сам—все показало его силу и бессилие правящей бюрократии...». Ю. Н. Воронов аккуратно сообщал домой в Цебельду о ходе революционных событий конца 1905 г.—начала 1906 г. Вместе с письмами он посылает в Абхазию революционную литературу, книги А. Бебеля и др. Его сестра Людмила, член РСДРП(б) с 1903 г., активная участница революции в Петербурге, заключена в тюрьму. Туда же попадают и многие друзья Воронова. В начале 1906 г. он публикует очерк, посвященный памяти Ф. Н. Алексеенко, в котором, в частности, пишет:

³⁵ Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1905, т. 6, вып. 2, с. 126.

³⁶ Там же, вып. 3, с. 206.

«Но, к сожалению, особенно в нашей русской действительности, слишком часто обстоятельства складываются так, что самые лучшие, самые нужные силы роковым образом выхватываются из рядов... Обстановка его кончины, несомненно... стоит в связи с тем нервным настроением протеста против гнетущего уклада русской действительности, которое особенно остро переживалось лучшей, наиболее чуткой частью молодого поколения... И трагизм его кончины тем сильнее, что он умер почти накануне пробуждения России, перед самым началом того необычайного роста народного самосознания, который быстрыми шагами повел нашу многострадальную родину к обновлению, к свету, к свободе...»³⁷.

В том же году в трудах Ботанического музея Академии наук была опубликована статья Ф. Н. Алексеенко о ботанических исследованиях на Кавказе в 1902 г., подготовленная для печати Ю. Н. Вороновым.

В июле 1906 г. Юрий Николаевич перебрался временно в Юрьев, где вместе с профессором Н. И. Кузнецовым занялся обработкой кавказской флоры. Н. И. Кузнецов в связи с этим писал: «Проживая лето это на даче близ г. Юрьева, я имел удовольствие видеть у себя в гостях... двух из усерднейших сотрудников по флоре Кавказа — Н. А. Буша и Ю. Н. Воронова...»³⁸. Здесь они втроем разработали программу издания «Растительности Кавказа», которое должно было включать серию ботанико-географических монографий отдельных ботанических провинций Кавказа. Эта программа затем была положена в основу «Программы монографии о растительности Крымской яйлы» (1915)³⁹.

В июле 1906 г. Ю. Н. Воронов приносит в дар Юрьевскому ботаническому саду «дублет» своего кавказского гербария. Одновременно он договаривается с А. Х. Ролловым о совместной поездке в Цихис-дзири (Батумский округ) с целью исследовать сфагновые болота и получает приглашение на работу в Тифлисский ботанический сад.

³⁷ Там же, 1906, т. 7, вып. 1, с. 61.

³⁸ Там же, вып. 3, с. 134.

³⁹ Вестн. рус. флоры, 1915, т. 1, вып. 4, с. 200.

Работа на Кавказе

20 сентября 1906 г. Ю. Н. Воронов занял должность консерватора Тифлисского ботанического сада. По этому поводу в печати сообщалось: «... Тифлисскому ботаническому саду удалось привлечь на службу Ю. Н. Воронова, составившего себе имя серьезными работами по флоре Кавказа...»¹. Сразу же исследователь передает саду значительную гербарную коллекцию, содержащую 2000 видов европейских и собранных в Абхазии растений. 22 декабря 1906 г. Ю. Н. Воронов избирается действительным членом Кавказского отделения Русского географического общества². В течение 1906 г. ученый опубликовал 29 работ, среди которых продолжение издания гербария кавказской флоры (совместно с В. В. Марковичем и Н. А. Бушем), заметки по флоре Абхазии, рефераты и рецензии на работы различных отечественных и зарубежных авторов.

8 января 1907 г. Ю. Н. Воронов женился на Олимпиаде Петровне Деклеиз, ученице профессоров В. Л. Комарова и Ш. Флао, которая затем много помогала Юрию Николаевичу в сборах и обработке растений, осуществляла переводы иностранных публикаций, писала рефераты на ботанические работы и, будучи прекрасным художником, иллюстрировала различные ботанические издания, в том числе и работы мужа.

В январе—феврале 1907 г. Ю. Н. Воронов совместно с А. Н. Казнаковым и А. Б. Шелковниковым проводил сборы в окрестностях Калдахвары, Цебельды (Юрьевское, Пацхир и др.) и в других пунктах Абхазии. В мае—июне того же года Воронов по поручению Тифлисского ботанического сада осуществил ботанические исследования в Артвинском округе, где прошел по маршруту Ломашен—Светибар—Ардануч—Орджох—Танзот—Енирабат—Усот—Црия — Гюмишхана — Орджох—Ломашен—Дзансул—Ирса—Светибар — Толгом—Вазрия—Берта—Ломашен—Берта—Светибар — Црия — Шуртум—Салалат—Хинзарт — Дурнагель — Бапхатыла—Ломашен—Яланузчан—Сахринский пост—Арспанский хребет—Джинал—Суреван—Чуареби—Карения—

¹ Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2, с. 120.

² Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1905—1906, т. 18, № 4, с. 318.

Олимпиада Петровна
Деклепа
(1903)

Артвин—Вазрия. В результате этих исследований был получен ценный ботанико-географический материал, позволивший сделать вывод о том, что в Артвинском округе распространено значительное число видов, которые были известны лишь для Малой Азии и преимущественно для тогдашней Турецкой Армении³. Подводя итоги поездки, Воронов писал: «С одной стороны, я успел повторить большую часть маршрута моих предшественников (кн. Масальского, Радде, Михайловского, Кенига), с другой — пересечь округ в различных направлениях

самостоятельной сетью маршрутов и посетить до сих пор не видевшие ботаников глухие и труднодоступные уголки верхней Шавшети и Имерхевского ущелья»⁴. Во время этой экспедиции Юрий Николаевич собрал богатый гербарный материал, включавший 1700 видов растений и до 5000 их дубликатов. Обработка этого гербария продолжалась до конца 1909 г. Один из новых видов Н. А. Буш, принимавший участие в изучении артвинской коллекции, назвал тогда же именем Воронова⁵.

В сентябре 1907 г. Воронов в составе ревизионной комиссии Ученого комитета Главного управления земледелия и землеустройства на Черноморском побережье знакомится с подведомственными департаменту земледелия учреждениями, принимает участие в заседании правления Сухумского общества сельского хозяйства, где выступает с критическими замечаниями в адрес Сухумской опытной станции (увлечение «экзотизмом», отсут-

³ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 10, с. 3—17.

⁴ Там же, вып. 9, с. 3; Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1909—1910, т. 20, № 1, с. 93—95.

⁵ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 13, с. 3.

стве внимания к последствиям табаководства — хищническое истощение почвы, недооценка искусственных удобрений, огородничества, цветоводства, садоводства) ⁶.

В 1907 г. Ю. Н. Воронов занимался также определением растений из сборов Р. Г. Шмидта в северо-восточной части Закавказья. Тогда же он совместно с А. В. Фоминым в Ботаническом отделении Кавказского музея собрал и определил все новые сборы (3515 экземпляров), снабдив их печатными этикетками ⁷. Параллельно исследователь занимался обработкой семейств Geraniaceae, Surogaseae, Gramineae и Orchidaceae. В том же году он передал в зоологическое отделение музея небольшую коллекцию собранных им бабочек и рептилий. В 1907 г. Воронов опубликовал три работы, посвященные растительности Гагрского горного массива, Ленкорани, а также приступил (совместно с А. Фоминым) к изданию «Определителя растений Кавказа и Крыма».

Исследования Артвинского округа Ю. Н. Воронов продолжил и в апреле 1908 г. Исходив окрестности Артвина, Ломашена, Чарбиета и Наджвии, затем он отправился в Кварацханское ущелье, где исследовал окрестности Кварацханы, Бешаула и Синкота. Далее маршрут пролегал через Ишхалбир, Црию и Орджох. Всего было собрано до 200 видов растений в количестве до 500 гербарных листов. Собранный материал и наблюдения над распределением растительности значительно дополнили сведения об этом интереснейшем уголке Закавказья ⁸.

В мае 1908 г. Воронов вместе с А. Б. Шелковниковым исследует Арешский, Геокчайский и Шемахинский уезды Эриванской губернии. Сборы проводились по маршруту Геок-тапа—Агдаш—Геокчай—Карамарьян—Кюлюли—ущелье Ших-насыр—Каракоюнлы—Ахсу—Шародиль—озеро Фагракюш—Заргава—Нуран—Заргеран—Сулут—гора Фит-даг—ущелье Сулуг-чай—Ахан—перевал Чилинк—перевал Мыхтокян—Ахсу—Кюрдамир—Евлах—Геок-тапа. Собранный коллекция включала 3310 единиц, среди которых 2463 листа растений, 810 экземпляров представителей животного мира и на-

⁶ Черномор. сельск. хоз-во, 1908, № 11/12, с. 373, 379, 384, 385.

⁷ Изв. Кавк. музея, 1908, т. 4, вып. 1/2, с. 32; 1909, т. 4, вып. 3, с. 10.

⁸ Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1909—1910, т. 20, № 2, с. 114, 115; № 3, с. 224, 225.

секомых (рептилии, бабочки, жуки, моллюски и др.). Кроме того, были обнаружены 32 древние монеты и ряд предметов этнографического характера⁹.

В июле—августе 1908 г. Юрий Николаевич снова в Цебельде, где помимо ботанических сборов организует отлов змей, среди которых оказался неизвестный до этого вид гадюки, которому позже было присвоено имя тогдашнего директора Кавказского музея А. Н. Казнакова — *Viperca Kaznakovii*. А. М. Никольский по этому поводу писал: «Пять экземпляров, присланные мне директором Кавказского музея А. Н. Казнаковым, были найдены ботаником Ю. Н. Вороновым и его родными в Цебельде Сухумского округа под сеном... Ю. Н. Воронов сообщил Р. Г. Шмидту, что в долине р. Жоэква на значительной высоте они были здесь очень большие и окрашены в ярко-апельсиново-оранжевый цвет. В живом состоянии они имеют кирпичную окраску. Эта гадюка очень вялая и малоподвижная змея. Любит она, по словам Ю. Н. Воронова, влажные лесные лужайки, обыкновенно без дерновины, но с крупной луговой растительностью. По-видимому, эта гадюка очень ядовита, так как Ю. Н. Воронов видел, что укушенный в морду бык околел через пять часов...»¹⁰.

В 1908 г. от Ю. Н. Воронова, его жены и матери в фонды Кавказского музея поступило 1017 листов гербария и 1025 экземпляров фауны (змей, ящерицы, лягушки, моллюски, бабочки и др.), собранных в Цебельде и Артвине¹¹. В вышедшей в 1911 г. сводке Х. Зимрота было описано девять видов голых моллюсков, собранных Ю. Н. Вороновым в 1908 г. главным образом на горе Апианча и в Пацхирском ущелье (окрестности Цебельды), а также в Артвинском округе и Шемахинском уезде¹².

В течение 1908 г. Юрий Николаевич опубликовал 39 работ различного характера: статьи об исследованиях в Артвинском округе, о флоре Абхазии, о крымско-кавказском роде *Egungium*, описания 32 видов растений для «Списка растений гербария русской флоры», второй и третий выпуски «Определителя растений Кавказа и

⁹ Изв. Кавк. музея, 1911, т. 5, вып. 2/3, с. 4.

¹⁰ Там же, 1910, т. 5, вып. 1, с. 83, 84.

¹¹ Там же, 1911, т. 5, вып. 2/3, с. 11—21.

¹² Там же, 1911, т. 6, вып. 1, с. 19—87.

Крыма», большое число рефератов и рецензий на работы отечественных и иностранных ботаников.

В январе 1909 г. Ю. Н. Воронов переходит на должность миколога при Кавказском филоксерном комитете и проводит все микологические работы в Тифлисском ботаническом саду, пополняя его микологические коллекции. Весной и летом того же года Юрий Николаевич осуществляет несколько поездок в Атенское ущелье (Горийский уезд Тифлисской губернии), где до него не был ни один ботаник. Из одной такой поездки он привез гербарий, содержащий до 350 видов растений¹³. Летом 1909 г. Ю. Н. Воронов вместе с большевиком Н. Н. Простосердовым пытался организовать Высшие сельскохозяйственные курсы в Тифлисе. Однако их постигла неудача — при проверке в тифлисской жандармерии списка учредителей курсов и состава курсантов оказалось, что одна треть из них являлась активными участниками революции 1905—1907 гг. и была связана с революционным подпольем. Курсы разрешены не были.

В течение 1909 г. Ю. Н. Воронов опубликовал пять работ — обработки семейств Guttiferae, Elatinaceae и Frankeniaceae во «Flora caucasica critica», материалы к флоре Батумского округа, два выпуска «Определителя растений Кавказа и Крыма» (совместно с А. В. Фоминим) и статью о трех новых для Кавказа видах орхидей, относительно одной из которых он писал: «С особенным удовольствием посвящаю эту оригинальную и красивую орхидею ревностному и неутомимому исследователю кавказской флоры А. Б. Шелковникову»¹⁴.

В январе 1910 г. Юрий Николаевич принимает участие в работе XII съезда Российских естествоиспытателей и врачей в Москве, а затем отправляется в Петербург «для научных занятий» по специальности в Ботаническом музее Академии наук. Здесь он работает под руководством А. А. Ячевского и В. А. Траншеля. Позже по ходатайству Сочинского общества сельского хозяйства учёный был командирован в г. Сочи для выяснения причин наблюдавшегося в 1909 г., несмотря на хорошее

¹³ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1909, вып. 15, с. 56; 1910, вып. 17, с. 54.

¹⁴ Изв. Кавк. музея, 1909, т. 4, вып. 4, с. 268.

цветение, полного неурожая слив вследствие опадания завязей¹⁵. В июле 1910 г. его назначают производителем работ Переселенческого управления по исследованию новых районов Закавказья¹⁶, а 16 октября 1910 г. избирают в состав распорядительного комитета Кавказского отделения Русского географического общества.

В течение лета 1910 г. Ю. Н. Воронов путешествовал по Аджарии, Шавшетии и Лазистану, в некоторых экспедициях его сопровождал ассистент Юрьевского ботанического сада П. П. Попов. Маршрут пролегал по следующим местам: Батум—Кеда—Хуло—Горджоми—Бодыш—Навгареви—Хичаури—Хуло—Годердзский перевал—Капли—граница Ахалцихского уезда—Хуло—Кеда—Аджарисцквали—В. Марадида—Катапкия—Бехлеван—Сатибский перевал—Ихчалское ущелье—Борча—Девскел—Квинтаур—Багин—Итинго—Карчхал—Багин—Адагул—Катиб—Хана—Верхние Марадида—Осибало—Чарнал—Голио—Сарп—Макриал—Джурфукский перевал—Сарп¹⁷. В экспедициях был собран богатый гербарный материал, в особенности по папоротникам и древесным породам. Обработку его Воронов частично производил сам, частично рассылал другим ботаникам. Папоротники из сборов экспедиции взял на обработку А. В. Фомин, который в одной из своих работ писал: «Большую помощь мне оказали прекрасные гербарные сборы Ю. Н. Воронова в Абхазии, Аджарии и Шавшетии... Сборы эти особенно ценны тем, что в них находились не только взрослые развитые экземпляры, но и целая масса экземпляров на разных стадиях развития, что позволило мне ближе ознакомиться с формами...»¹⁸. При рассмотрении одного из новых видов, открытых Юрием Николаевичем, А. В. Фомин отмечал: «Я называю этот вид в честь Ю. Н. Воронова, собравшего мне прекрасный материал по этому виду, а также и по другим видам папоротников»¹⁹. Ф. Петрак, получивший на обработку от Воронова два новых аджарских вида *Cissium*, писал: «В заключение следует отметить, что я назвал один из этих прекрасных гибридов в честь Ю. Н. Воронова (Тифлис), который недавно мне лю-

¹⁵ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 16.

¹⁶ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 18, с. 49, 50.

¹⁷ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 3.

¹⁸ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 18, с. 3.

¹⁹ Там же, с. 23.

безно прислал материал по *Cirsium*, найденный на Кавказе в 1910 г.»²⁰. В течение 1910 г. Ю. Н. Воронов опубликовал десять работ, среди которых нужно отметить «Материалы к микофлоре Кавказа», «Материалы к флоре Батумского побережья», «Критические заметки о крымско-кавказских видах рода *Linum* L.», «Болезни чайного куста на Кавказе», «Семейство Geraniaceae», а также серию рефератов.

В Кавказский отдел Тифлисского ботанического сада от Воронова в 1910 г. поступило 78 экземпляров живых растений из Цебельды, 2 экземпляра растений и 12 пакетов семян из Аджарии, 6 луковиц из Атенского ущелья²¹. В гербарий того же сада он передал 208 экземпляров растений из Геокчайского и Шемахинского уездов, 118 экземпляров растений из различных мест Кавказа, 680 экземпляров из различных стран Европы, полученных исследователем в обмен на кавказские растения, 16 экземпляров из окрестностей Сочи, 465 экземпляров из Аджарии, 33 экземпляра мхов из Абхазии²². Всего за год в Батумской области и в окрестностях Тифлиса Ю. Н. Воронов собрал гербарий в количестве 4547 листов. В том же 1910 г. он провел большую работу в Кавказском музее, где обработал и объединил с основным гербарием сборы предыдущих 6 лет и куда передал фаунистические коллекции — около 700 экземпляров (бабочки, жуки, моллюски и др.), собранные им главным образом в окрестностях Цебельды²³.

Весной и летом 1911 г. Ю. Н. Воронов осуществляет две экспедиции — в степи Карабаха и в Батумскую область. Карабахская экспедиция, проводившаяся по инициативе Кавказского переселенческого управления по изучению новых районов Закавказья в апреле—мае 1911 г., исследовала юго-восточные предгорья Карабаха в пределах Шушинского и Карягинского уездов Елизаветпольской губернии, Сальянскую степь, долину Аракса (от впадения в него р. Ажары до Сафарлинского поста), Мильскую степь. В состав экспедиции помимо Воронова входили ассистент Юрьевского университета П. П. Попов и студент того же университета Н. П. Введенский.

²⁰ Там же, 1911, вып. 19, с. 24.

²¹ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 8, 9.

²² Там же, с. 18.

²³ Изв. Кавк. музея, 1914, т. 6, вып. 2/3, прил., с. 6.

Последний по поручению Ю. Н. Воронова занимался ботаническими сборами в Қарягинском уезде. Собранный экспедицией материал включал около 3500 листов гербария, в котором оказалось много новых для Кавказа или для этих мест видов²⁴.

По окончании карабахской экспедиции Юрий Николаевич вместе с П. П. Поповым совершил несколько экскурсий в Ширванскую степь и в Аракский уезд Елисаветпольской губернии. В этих исследованиях принимал участие и А. Б. Шелковников (Геок-тала, Бурджакские холмы, ущелья Боз-дага—Огруджа, Мазит, Пир-Сенд). Собранный в этих местах гербарий составил около 2500 листов²⁵. Тогда же Ю. Н. Воронов активно помогает А. Б. Шелковникову подготовить экспедицию в Сванетию. Последний был весьма благодарен Юрию Николаевичу за участие в выборе маршрута (известковое плато Асхи в окрестностях Цагери и северо-восточная часть Мегрелии), а также за определение почти всех собранных там растений²⁶.

С середины июля до сентября 1911 г. Ю. Н. Воронов (отчасти совместно с П. П. Поповым) заканчивает ботанические исследования Батумской области, где подробно были изучены Шавшетия и Имерхеви, Карчхальский массив, Шавшето-Ардаганский хребет с его отрогом Курдеван, отроги Понтийского хребта, юго-западная часть области от Црии до Салагурского перевала, Кинтришский район. Собранный здесь материал содержал свыше 5000 листов гербария, в котором оказалось большое число новых для Кавказа видов. На основе этих исследований Ю. Н. Воронов подготовил к печати «Отчет о почвенных и ботанических исследованиях в Батумской области в 1910—1911 гг.». К отчету были приложены почвенная и ботаническая карты, карта маршрутов и распространения отдельных характерных элементов понтийской и чорохской флоры и ботанические профили Батумской области — один от Чаквы до Яланусчанского перевала, другой от Макриала до Салагурского перевала²⁷.

²⁴ Вести. Тифлис. ботан. сада, 1911, вып. 19, с. 39; Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 2, 3.

²⁵ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 3, 4; Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 1, с. 64.

²⁶ Изв. Кавк. музея, 1913, т. 7, вып. 3/4, с. 351, 434.

²⁷ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 9.

30 марта 1911 г. Юрия Николаевича избирают в редакционный Комитет Кавказского отдела Русского географического общества, а 23 ноября того же года — в особую комиссию для выработки программы систематического исследования Кавказского края и во вновь созданную Постоянную комиссию по охране памятников природы на Кавказе²⁸. В своем докладе «О памятниках природы на Кавказе, подлежащих охранению», сделанном на одном из заседаний этой комиссии, Ю. Н. Воронов относит к памятникам природы первой категории тисовую рощу у с. Полтавка Сухумского округа, лавровую рощу в том же округе, самшитовую рощу в Ингуриском ущелье, пицундскую сосновую рощу и итальянскую сосну в Артвинском округе²⁹. В сентябре 1911 г. он проводит сборы в Абхазии, где, в частности, собирает пионы. В октябре 1911 г. Ю. Н. Воронов исследует Черноморское побережье Кавказа (Новороссийск, Туапсе, Сочи). Из Сочи он посылает поздравительную телеграмму профессору Н. И. Кузнецову в связи с его 25-летием научной деятельности: «Приветствую отца кавказской флоры, дорогого учителя, желаю долгих лет плодотворной работы»³⁰. Тогда же его избирают в состав комиссии по подготовке сельскохозяйственного съезда на Черноморском побережье, запланированного на 1912 г.

Гербарий Ю. Н. Воронова привлекает внимание многочисленных отечественных и зарубежных ученых. В течение 1911 г. собранные им растения посылались на обработку Е. В. Вульффу (Москва), А. А. Лоначевскому (Харьков), П. И. Мищенко (Петербург), Х. Цану (Карлсруэ), Ф. Петраку (Вайскирхен), Е. Хакелю (Аттерзее), И. Штейнеру (Вена) и др.

В 1911 г. Ю. Н. Воронов совместно с А. В. Фоминым приступил к изданию второго тома «Определителя растений Кавказа и Крыма». Тогда же он публикует заметку о мучнистой росе дуба и ее значении. В течение года фонды Тифлисского ботанического сада пополняются новыми растениями, поступившими от Юрия Николаевича. Так, в Кавказский отдел сада он

²⁸ Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1911—1912, т. 21, № 2, с. 83—85.

²⁹ Там же, № 4, с. 315.

³⁰ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 12, кп. 2, с. 45.

передал коллекцию луковиц, клубней и корневищ различных растений — из Горийского уезда 6 экземпляров, из Карягинского уезда — 107 экземпляров растений и 54 пакета семян, из Артвинского округа — 14 пакетов семян. В гербарий сада он передал 73 листа папоротников из Западного Закавказья, 325 листов из Батумской области, 28 листов из Карабаха, 12 листов из различных мест Кавказа³¹. Большую работу в это же время ученый проводил и в Кавказском музее. По этому поводу в отчетах музея отмечалось: «В ботаническом отделе закончена начатая в 1910 году работа по перестановке гербария по системе Энглера, причем были выделены из общего гербария все дублиеты. При этом многие сборы, еще не определенные, были определены и включены в новую систему. Вся эта работа была выполнена Ю. Н. Вороновым...»³². В фонды музея тогда же от исследователя поступили 231 лист гербария, 1250 экземпляров различных представителей фауны, 106 геологических образцов, а также древние монеты, найденные в различных районах Кавказа (Батумская область, долина Аракса, Мильская степь и др.)³³.

В марте и в июле 1912 г. Ю. Н. Воронов проводит сборы растений, в частности ряда видов микрофлоры в окрестностях Цебельды (Юрьевское, Пацхир и др.). В мае 1912 г. он возглавляет экспедицию в составе А. А. Майорова, А. Б. Шелковникова и Р. Г. Шмидта, работавшую в Восточном Закавказье. Маршрут этой экспедиции начинался от станции Аджикабул и вел на Карачалу, где на берегу Куры находился опорный пункт экспедиции. На участке Аджикабул—Карачала была исследована равнинная часть, покрытая полынной степью, и склоны незначительной цепи гор с вершиной Кюрвдаг. Из Карачалы участники экспедиции направились полынной степью и солончаками на север к подножию горы Мишов-даг, исследовали ближайшие горы, покрытые лавовыми сопочными грязевыми потоками, солончавато-глинистую и песчанистую пустыню, которая растянулась с южной стороны хребта Текле-даг на всем его протяжении. После посещения грязевого вулкана на горе Калмас участники экспедиции по долине р. Пирса-

³¹ Там же, 1912, вып. 12, кн. 1, прил., с. 17.

³² Изв. Кавк. музея, 1914, т. 8, вып. 1/2, с. 8.

³³ Там же, с. 10—12.

гат вышли к Каспийскому морю близ горы Боз-даг и мыса Бендеван. Отсюда по глубоким дюнным пескам исследователи добрались до Северо-Восточного Култука, откуда двинулись к Сальянам и далее в Карачалу. С Карачалинского поста была предпринята вторичная поездка на гору Калмас³⁴. Один из участников экспедиции А. А. Майоров позднее писал: «Не могу не отметить при этом любезной помощи, оказанной мне... Юрием Николаевичем Вороновым, которому я обязан первой поездкой в Ширванскую степь в составе его экспедиции, за инициативу составления этого списка («Список растений юго-восточной части Ширванской степи». — А. К. и Ю. В.) и просмотр... списка в рукописи»³⁵.

В июле 1912 г. Ю. Н. Воронов возглавляет экспедицию, в состав которой вошли А. И. Данилов, Г. С. Неводовский и Д. И. Сосновский, исследовавшую растительность Западного Закавказья³⁶. В задачу экспедиции, в частности, входило изучение флоры высокогорных пастбищ в бассейнах рек Бзыби и Мзымты. Один из этапов этой экспедиции проходил по маршруту: Сухуми—перевал Ачавчар—Псху—Ачбидзиррертера—Бешта Санчар—Рихва—Чхы—Псху—перевал Бекилбгаллара—Гунурхва—Гудаута. Особое внимание при этом было уделено сбору коллекций пресноводных, мхов и лишайников. Сборы, которые проводил Юрий Николаевич летом 1912 г. в окрестностях г. Поти, значительно пополнили коллекцию болотных растений Кавказского отдела Тифлисского ботанического сада.

В течение 1912 г. Ю. Н. Воронов опубликовал пять работ, посвященных исследованиям в Батумской области и в других районах Кавказа. Совместно с А. Б. Шелковниковым он приступает к изданию «Гербария кавказской флоры». В этой серии всего за 1912—1916 гг. было описано 400 видов кавказских растений, составивших 8 выпусков по 50 видов в каждом.

В этот период Воронов поддерживает деловые контакты с виднейшими русскими и зарубежными ботаниками, которым посылает различные растения на обработку. Так, значительную коллекцию микрофлоры, со-

³⁴ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1914, вып. 16, с. 12.

³⁵ Там же, с. 2.

³⁶ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 24, с. 25.

бранную в 1911—1912 гг., ученый отправил на определение Н. Н. Воронишину в Бюро по микологии и фитопатологии Ученого комитета Главного управления земледелия и землеустройства (Петербург). Как отмечал Н. Н. Воронихин в одной из своих работ, «в коллекции грибов, собранных Ю. Н. Вороновым в Цебельде (Абхазия) в 1912 г... два вида являются новыми для науки». Большую коллекцию лишайников, собранных им в окрестностях Тифлиса и в Аджарии, Юрий Николаевич предоставил И. Штейнеру (Вена), а его коллекцию печеночных мхов из Абхазии изучал Ф. Стефани (Лейпциг). Значительные коллекции высших растений Ю. Н. Воронова обрабатывали Ф. Петрак, Д. Борнмюллер, Е. Ханель и другие зарубежные ботаники. Каждый из исследователей, изучавших эти растения, при выявлении нового вида присваивал ему имя Воронова. В 1912 г. Юрий Николаевич выслал в адрес Департамента земледелия США для испытания семени одичавшей вишни, которые он собрал во время летней экспедиции в Абхазии (главным образом окрестности Цебельды)³⁷.

Ученых живо интересовали и зоологические сборы Ю. Н. Воронова. Так, в опубликованной в 1912 г. работе А. А. Берули, посвященной скорпионам Кавказа, были представлены сведения о соответствующих находках Юрия Николаевича в Батумской области и в Цебельде, а в заключении отмечалось, что эти сборы позволили установить наличие в Артвинском округе трех видов скорпионов, о которых до этого ничего не было известно³⁸.

9 февраля 1913 г. Ю. Н. Воронова назначили старшим специалистом по сельскохозяйственной части при Департаменте земледелия, а 11 мая того же года на него было возложено исполнение обязанностей агронома Черноморского переселенческого района. В мае—июне 1913 г. Воронов на средства Кавказского отделения Русского географического общества провел ботанико-географические исследования в пределах Эчмиадзинского и Сурмалинского уездов Эриванской губернии, а также Кагызманского округа Карской области³⁹.

³⁷ Там же, с. 26.

³⁸ Изв. Кавк. музея, 1912, т. 7, вып. 1, с. 126.

³⁹ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 27, с. 36.

Цель первой экспедиции — исследование долины Аракса от Аралыха до Ортакаминского поста и отрогов Агри-дага и выяснение границ распространения элементов иранского и армянского флористических типов. Работы проводились совместно с И. Б. Волчанецким с 14 по 27 мая 1913 г. по маршруту: Тифлис—Нахичевань—Джульфа—Ордубад—Карачеванский пост—Ордубад—Джульфа—В. Джульфа—Дарры-даг—Джульфа—Неграм—Дарошам—Тазагенда—Неграм. Во время экспедиции был собран обширный гербарий, содержащий много новых для флоры Кавказа видов.

По поводу исследований Ю. Н. Воронова в южной части Закавказья в «Известиях Кавказского отделения Русского географического общества» писал: «Занимавшемуся в последнее время вопросом о классификации фито-географических областей Кавказского края в связи с историей происхождения и развития Кавказской флоры действ[ительному] члену К. О. И. Р. Г. О. Юр. Н. Воронову удалось выяснить кардинальное значение для решения этих проблем изучения степени и границ влияния на кавказскую флору двух мощных центров развития степной и горно-степной флоры нагорий Ирана и Армении... Ю. Н. Воронов... совершил летом 1913 г. ряд поездок в южные уезды Эриванской губернии... и, повторно, в разные времена года исследовал долину Аракса от Кагызмана до Джульфы. Весь этот район является весьма неполно исследованным, а между тем знакомство с ним является насущно необходимым для разрешения ряда коренных вопросов фито-географии Кавказа и происхождения его флоры»⁴⁰. С 27 мая по 8 июля Ю. Н. Воронов вместе с Р. Г. Шмидтом и А. С. Матнаевичем исследовал ущелье р. Мургул-су и поднялся на гору Триал. В общей сложности обе экспедиции Юрия Николаевича дали помимо других материалов (фото, рисунки и т. д.) 5730 листов гербария⁴¹.

С 16 по 24 июня 1913 г. Ю. Н. Воронов принял участие в XIII съезде Русских естествоиспытателей и врачей в Тифлисе, где был помощником заведующего секцией географии. В июле того же года он вместе с В. В. Богачевым, А. Н. Даниловым и В. А. Зайцевым занимался все-

⁴⁰ Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1913—1914, т. 22, № 1, с. 76, 77.

⁴¹ Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2, прил., с. 15.

сторонним изучением Мазитского ущелья, озера Гек-гель и горы Кяпаз с целью выделения заказников, где попутно собрал большую коллекцию живых растений для Бакурианского отделения Тифлисского ботанического сада⁴². В том же месяце Воронов совершил поездку в Колхиду, где провел сборы в окрестностях Поти (Палеостоми и др.) и Сенаки. В августе Юрий Николаевич вместе с Н. Н. Вороныхиним исследовал окрестности Сочи (ущелье Агуры, Алек, Преображенское, ущелье Мацесты, Измайловка, Семеновка, Нижегородское и др.).

В 1913 г. А. А. Лоначевский (Киев) опубликовал описание собранных ранее Ю. Н. Вороновым в Батумской области шиповников. К этой публикации Юрий Николаевич сделал примечание: «Настоящая заметка любезно составлена по моей просьбе А. А. Лоначевским, обработавшим мои шиповники из Батумской области сборов 1907—1910 гг. Считаю своим приятным долгом принести здесь А. А. Лоначевскому свою глубокую признательность за составление настоящей статьи»⁴³. В том же году была опубликована работа Л. Мелишара, посвященная фауне Номортега, где было описано 11 новых для Кавказа видов, собранных Юрием Николаевичем, главным образом в окрестностях Цебельды, а также в Артвинском округе.

Ю. Н. Воронов считал вполне справедливо, что ни одна ботаническая работа по систематике растений не может быть обоснованной без использования географических данных.

В своей рецензии на работу Н. П. Попова Юрий Николаевич писал: «Этим он отнял „душу живу“ у своей работы, ибо без географического зрения систематика для флориста и ботанико-географа теряет половину своего интереса, это одно, а другое — лишь с этой точки зрения могли бы быть критически освещены и взгляды автора на таксономическое значение тех форм, которые у него синонимизированы»⁴⁴.

Большую работу проводил в 1913 г. исследователь и в Кавказском музее, в отчетах которого отмечалось, что «в Ботаническом отделе много труда было затрачено вполне бескорыстного Ю. Н. Вороновым, который подго-

⁴² Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 27, с. 36; Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1913—1914, т. 22, № 3, с. 256—264.

⁴³ Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 30, с. 1.

⁴⁴ Там же, вып. 31, с. 55.

товил отдельные семейства растений из гербария для рассылки на обработку... Кроме того, Ю. Н. Воронов постоянно определял вновь поступавший материал. Помимо этого, в 1913 г. он передал музею 1026 образцов фауны, 50 листов гербария и 8 образцов горных пород и руд»⁴⁵.

В течение 1913 г. Юрий Николаевич опубликовал девять работ, в том числе «Заметки о новых и малоизвестных растениях кавказской флоры», а также ряд рефератов и рецензий на работы различных исследователей.⁴⁶ В «Заметках...» Воронов, в частности, отмечал: «Изучая новейшие коллекции с Кавказа, почти на каждом шагу приходится наталкиваться на новые формы и новые, чрезвычайно интересные для ботанической географии факты, можно даже сказать, что почти ни одна экскурсия по Кавказу, особенно же по Закавказью, не обходится без того, чтобы не дать чего-либо нового...»⁴⁷. Относительно опубликованных в этой статье растений *Rheum ribes* Linn. и *Leptorhabdos virgata* Benth. Воронов писал: «Эта находка представляет крупный ботанико-географический интерес... Уже Fischer и Meuser отмечали флористическую связь Джунгарии через Персию с Закавказьем — их иберийско-персидский элемент; именно к этой категории относятся и наши растения. Элемент этот заслуживает большого внимания со стороны фитогеографов-генетиков, занимающихся Кавказом, он указывает на древнюю флористическую связь трех, ныне разъединенных друг от друга областей — Закавказья, Персии и Джунгарии — характер этих элементов *реликтовый*»⁴⁸.

В течение первой половины 1914 г. Ю. Н. Воронов продолжал научные наблюдения в Тифлисском ботаническом саду. Кроме того, в феврале 1914 г. он исследовал Черноморское побережье Кавказа (Сочи, Гагра, Цебельда и др.), где собрал микологическую коллекцию, включавшую до 200 экземпляров⁴⁹. Затем Воронов помогает Н. Л. Пастухову составить программу углубленных исследований флоры Талыша. В мае того же года он по поручению Кавказского музея осуществил поездки в Эриванскую губернию и в Батумскую область⁵⁰. Во время первой

⁴⁵ Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 1, прил., с. 6.

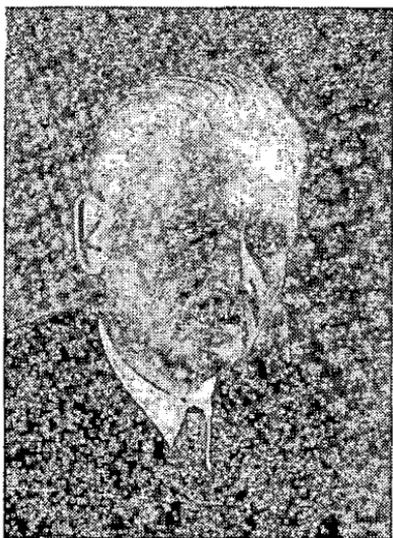
⁴⁶ Там же, с. 24.

⁴⁷ Там же, 1913, т. 7, вып. 3/4, с. 334.

⁴⁸ Там же, с. 341.

⁴⁹ Тр. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 17, прил., с. 7, 8.

⁵⁰ Там же, с. 8.

Академик Александр Альфонсович
Гроссгейм (1888—1948)

закономерности сложения растительного покрова в области полупустынь и полустепей Восточного Закавказья. Особенно ценной является разработанная им на новых принципах филогенетическая система растений, принятая во многих странах мира⁵⁶. С Ю. Н. Вороновым А. А. Гроссгейма связывали многие годы личной дружбы и плодотворного сотрудничества.

Дмитрий Иванович Сосновский (1886—1962) — один из крупнейших знатоков флоры Кавказа, особенно Грузии, систематик, ботанико-географ, ампелограф. В 1909 г. окончил Новороссийский (Одесский) университет, в том же году приступил к работе в Тифлисском ботаническом саду, где трудился до конца жизни. В 1936 г. ему присуждена степень доктора наук, в 1945 г. он избран членом-корреспондентом Академии наук Грузинской ССР. Систематическое изучение Кавказа начал в 1909 г. В первые годы своей работы особое внимание уделял флоре Карской области и Сванетии, куда совершил ряд ботанических экскурсий. Особенно углубленно изучал различные трудные и критические группы кавказских сложноцветных растений; много им сделано и по систематике кавказских шповников. Описал около 100 новых видов растений с Кавказа⁵⁷. Работал под руководством Ю. Н. Воронова в экспедициях, особенно при изучении флоры Карской

нические экспедиции и экскурсии по Закавказью, особенно в его южные и юго-восточные районы (Таллы, Нахичеванская АССР, Нагорный Карабах и др.). Основным направлением исследований А. А. Гроссгейма было изучение систематики и географии цветковых растений Кавказа. Ему удалось уточнить и дополнить сведения о распространении на Кавказе многих растений, что послужило основой для разрешения ряда вопросов флористической географии Кавказа. Наряду с флористико-систематическими работами им составлены описания растительного покрова различных районов Закавказья, а также подробные ботанико-географические карты. А. А. Гроссгейм руководил также обширными исследованиями по изучению пастбищ Азербайджана, ему удалось установить основные

⁵⁶ Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь/ Сост. С. Ю. Липшиц. М., 1950, т. 3, с. 59—67.

⁵⁷ Гроссгейм А. А. Дмитрий Иванович Сосновский (к 60-летию со дня рождения). — Сов. ботаника, 1947, т. 15, № 1, с. 40—42.

области и Абхазии, реферировал работы Ю. Н. Воронова, всегда высоко их оценивал.

Александр Васильевич Фомин (1869—1935) — выдающийся советский систематик и ботанико-географ. В 1893 г. закончил Московский университет, в 1914 г. стал профессором Киевского университета, в 1921 г. избран действительным членом Академии наук Украинской ССР; автор более чем 200 работ, среди которых нужно отметить монографии по папоротникообразным растениям Кавказа (1913), Сибири и Дальнего Востока (1930) и по папоротникообразным СССР (1931). С 1902 г. работал в Тифлисском ботаническом саду. В 1931 г. возглавил институт ботаники Академии наук УССР⁵⁸. Важнейшим результатом многолетнего научного сотрудничества А. В. Фомина и Ю. Н. Воронова является двухтомный «Определитель растений Кавказа и Крыма».

Член-корреспондент
АН Грузинской ССР
Дмитрий Иванович
Сосновский
(1886—1962)

1 июня 1914 г. Ю. Н. Воронов переходит в Кавказский музей на должность старшего хранителя. 31 августа того же года в связи с уходом директора Кавказского музея полковника А. Н. Казнакова в действующую армию Воронов занимает его место и находится на этой должности до июня 1918 г., совмещая ее с заведованием ботаническим отделом музея и с редактированием его «Известий» и «Записок»⁵⁹. В 1914 г. Юрий Николаевич передал в гербарий Кавказского музея обширную коллекцию растений (цветковых и споровых) с Кавказа и из других регионов — всего около 3000 листов. Туда же он передал гербарную коллекцию растений, собранных в разных местах Кавказа (350 листов), коллекцию цебельдинских растений (163 листа), коллекцию растений с Кавказа, а также из ряда зарубежных стран (4251 лист), различные гербарные издания. В геологический отдел музея от него по-

⁵⁸ Бордзиловский Е. И. Памяти Александра Васильевича Фомина (1869—1935). — Сов. ботаника, 1936, № 1, с. 38—40.

⁵⁹ Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2, прил., с. 3.

Академик АН Украинской ССР
Александр Васильевич Фомин
(1869—1935)

Аджарии в 1908—1910 гг., а в каталоге раковинных моллюсков Кавказа, составленном Б. Розеном, были опубликованы 34 вида, собранных Юрием Николаевичем в различные годы в окрестностях Цебельды, в Батумской области, в Шемахинском округе и других местах Кавказа⁶¹.

В апреле 1915 г. Ю. Н. Воронов ведет исследования в Азербайджане (Геок-тапа, Бурджах, Огруджа, Арчапдаг, р. Алджинен-чай и др.) и в Арешском уезде Елисаветпольской губернии. В июне того же года он совершает поездку в Кагызманский округ Карской области (Дажрман, Зараб-хан и др.). В том же году он проводит исследования в окрестностях Поты (Зугдиди, Супса, Ланчхути, Малтаква и др.)⁶² и принимает соответствующие меры по сохранению таких крупных памятников природы, как озеро Гек-Гель и сосновая роща в Пицунде. На созванном 9 ноября 1915 г. по настоянию Ю. Н. Воронова заседании Распорядительного комитета Кавказского отдела

студии материалы экспедиций по Араксу и по Батумской области — образцы различных горных пород, минералов, руд, окаменелостей. Зоологическая коллекция, переданная Ю. Н. Вороновым и И. Б. Волчанецким, включала 1424 экспоната⁶⁰. Зоологические сборы Юрия Николаевича нашли свое отражение и в ряде работ, опубликованных в 1914 г. Так, К. А. Сатунин отмечал фаунистические сборы Воронова близ перевала Санчар у истоков Б. Лабы. Я. П. Щелкановцев описал семь видов кузнечиков, собранных Вороновым в окрестностях Цебельды и в

⁶⁰ Там же, с. 5—11.

⁶¹ Там же, 1914, т. 6, вып. 2/3, с. 146—220.

⁶² Там же, 1916, т. 10, вып. 1, с. 97.

ИРГО было принято решение о выработке проекта закона об охране памятников природы⁶³. В фонды музея тогда же исследователь передал 4682 листа гербария, 127 зоологических экспонатов, а также небольшую коллекцию археологических находок (меч, топор, украшения), обнаруженных при сельскохозяйственных работах вблизи «Ясочки» в Юрьевском⁶⁴. В конце года он подготавливает экспедицию на озеро Урмия.

Зимой 1916 г. Ю. Н. Воронов помог сотруднику Сочинской опытной станции И. М. Куприянову обработать большой гербарий лекарственных растений, собранных на побережье и в альпийской зоне Западного Кавказа⁶⁵. Весной того же года Юрия Николаевича избирают во вновь созданную при Кавказском комитете Всероссийского земского союза Техническую комиссию по исследованию дубильных веществ Кавказа, по поручению которой он проводит исследования в центральной части Восточного Причерноморья⁶⁶.

Одной из наиболее значительных экспедиций, материалы которой позволили Ю. Н. Воронову написать специальную работу по флоре Северо-Западной Черкессии, была поездка в Анапу. По этому поводу сам исследователь сообщал: «В 1916 году я провел в Анапе в общей сложности около полутора месяцев, из которых всего несколько дней в конце мая, главная же масса сборов и наблюдений падает на вторую половину июля и первую половину августа. Окрестности Анапы мною исследованы во всех направлениях на пространстве в 7—8 верст, кроме того совершены поездки в санаторий «Лучезарный» (Семигорье близ станции Натухаевской) совместно с А. Б. и Н. Л. Пастуховыми... в устье реки Сукко совместно с А. А. Майоровым. Проездом со ст. Тоннельной в Анапу (через станцию Раевскую)... вел записи в дневнике... Мои исследования носили рекогносцировочный характер... Тем не менее собранный материал все же достаточно обширен и дает возможность... сделать первую попытку охарактеризовать флористически этот район северо-западной Черкессии и заложить первый камень в фундамент будущих, более детальных исследований»⁶⁷.

⁶³ Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1915, т. 23, № 3, с. 346—348.

⁶⁴ Изв. Кавк. музея, 1918, т. 11, вып. 3/4, прил., с. 16—27.

⁶⁵ Вестн. рус. флоры, 1916, т. 2, вып. 4, с. 207.

⁶⁶ Там же, вып. 2, с. 115, 116.

⁶⁷ Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1917, т. 25, № 2/3, с. 3.

В одной из работ, опубликованных в 1916 г., Ю. Н. Воронов назван в числе таких «выдающихся систематиков-сциадографов нового времени», как И. М. Коултер, И. Н. Роуз, В. Б. Хемслей, Р. Е. Ватсон, Ф. И. Германн и Э. Л. Вольф⁶⁸. В 1917 г. Ю. Н. Воронов совместно с В. К. Семашко проводил сборы в Чакве, где нашел новый вид гриба⁶⁹. В июле—августе того же года он осуществил флористические исследования в районе Батумского побережья, уделяя особое внимание флоре болот. В результате был собран обширный гербарий, на основании которого описан ряд новых для флоры Кавказа видов⁷⁰.

В 1915—1917 гг. Ю. Н. Воронов опубликовал около 30 работ, в том числе несколько статей о новых видах, выявленных на Кавказе. Среди них «Свод сведений о микрофлоре Кавказа», «Материалы к липайниковой флоре Кавказа» (приведено 80 новых для Кавказа видов, собранных автором), работы о распространении в Закавказье отдельных, в том числе и заносных растений, «Материалы к флоре Северо-Западной Черкессии» и др., а также серию рефератов и рецензий на работы других ботаников. Кроме того, исследователь завершил совместное с А. Б. Шелковниковым издание «Гербария кавказской флоры». В эти же годы в трудах многих ботаников и зоологов публикуются материалы Ю. Н. Воронова. Отметим работу Н. Н. Воронихина, в которой описано 152 вида грибов, собранных Юрием Николаевичем в Абхазии, в Эриванской губернии, в Карской области и в окрестностях Тифлиса в 1908—1914 гг. Из них 15 видов оказались вообще новыми для науки и двум из них было присвоено имя Воронова⁷¹. В работе Г. В. Олсуфьева, посвященной бронзовкам Кавказа, были опубликованы сведения о двадцати пунктах их отлова, произведенного Ю. Н. Вороновым⁷².

8 июня 1918 г. Ю. Н. Воронов «сдал должность директора Кавказского музея», продолжая вместе с тем исполнять обязанности старшего хранителя музея по Ботаническому отделению. В сентябре 1919 г. он снова переходит в Тифлисский ботанический сад на должность заведующего отделом кавказских растений. В этот период

⁶⁸ Вестн. рус. флоры, 1916, т. 2, вып. 1, с. 3.

⁶⁹ Изв. Кавк. музея, 1918, т. 11, вып. 3/4, с. 196.

⁷⁰ Там же, 1917, т. 11, вып. 1/2, с. 198.

⁷¹ Там же, 1916, т. 10, вып. 1, с. 1—35.

⁷² Там же, с. 169.

он приступает к редактированию трудов сада, которые выходили под его редакцией до 1926 г., обрабатывает гербарий многочисленных растений из различных районов Кавказа, в частности из Талыша (гербарий Н. Л. Пастухова и др.), из Горийского уезда (гербарий А. А. Гроссгейма и др.), из Сванетии. Л. Н. Делоне в одной из своих работ отмечал: «Я испытывал большие затруднения при определении некоторых... видов. Едва ли бы я сумел с таким успехом выйти из указанного положения, как это сделал Ю. Н. Воронов в своей заметке о кавказских беллевалиях. Юрий Николаевич оказал мне также существенную помощь при определении цхрацкарского вида...»⁷³.

В 1921—1922 гг. Ю. Н. Воронов принимает активное участие в работе Кавказского отделения Русского ботанического общества, в его Флористической комиссии. В августе 1923 г. он ведет совместно с П. Б. Калантаровым исследования в Северной Осетии (Джава и др.). С 1 июля 1923 г. по 1 января 1925 г. Юрий Николаевич Воронов читает курс фитопатологии и микологии на сельскохозяйственном факультете Тифлисского государственного политехнического института имени В. И. Ленина, в связи с этим ему присваивается звание профессора⁷⁴. В ноябре 1923 г. он ведет переговоры с Государственным трестом резиновой промышленности по вопросу организации опытных полей Резинотреста на Кавказе. 12—19 сентября 1924 г. Ю. Н. Воронов принимает участие в съезде деятелей по краеведению Черноморского побережья и Западного Кавказа в Сухуми, где в своем докладе подводит итог столетнему изучению флоры Абхазии, предложив собственную градацию местных растительных поясов⁷⁵. Тогда же с группой ботаников (И. В. Палибин, А. Ф. Флеров) и с академиком Н. Я. Марром он осуществляет поездку в Цебельду (в «Ясочку»). В конце 1924 г. Ю. Н. Воронов уезжает в Ленинград.

Отъезд Ю. Н. Воронова был с большим сожалением воспринят коллективом Тифлисского ботанического сада. В одном из документов, датированном 9 января 1925 г., по этому поводу говорилось: «По случаю отъезда тов. Воронова собрались сего числа все рабочие совместно с местным Тифлисского ботанического сада выразить ему

⁷³ Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1922—1923, вып. 1, с. 26.

⁷⁴ Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1214.

⁷⁵ Изв. Абхаз. науч. о-ва, 1925, вып. 1, с. 19—37.

свою симпатию и признательность в деле дружного обоюдного с ним сотрудничества, желаем ему счастливого пути и лучшего положения на новом поприще». В протоколе Совета Тифлисского ботанического сада от 19 января 1925 г. в соответствии с заявлением старшего ботаника сада Д. И. Сосновского было записано: «Выразить глубокое сожаление по поводу ухода Ю. Н. Воронова, в течение многих лет ведшего в Саду ценную и плодотворную научную работу. В ознаменование долголетней работы Ю. Н. Воронова по исследованию флоры Кавказа и чрезвычайных заслуг его перед Тифлиским ботаническим садом, выразившихся в собранном и обработанном им огромном количестве гербарного материала, составляющем значительную часть коллекции Сада, в опубликованных им в изданиях Сада многочисленных ценных научных трудах и в ценной работе его в Кавказском отделе Сада, выразившейся в значительном обогащении живых коллекций и обработке живого материала по флоре Кавказа, — поместить в портретной галерее Сада портрет Ю. Н. Воронова».

От Колумбии до Абхазии

В Ленинграде Ю. Н. Воронова назначают на должность консерватора Главного ботанического сада (с 1 января 1925 г.) и ученого специалиста Института опытной агрономии, откуда в июле 1925 г. он переходит на ту же должность во Всесоюзный институт прикладной ботаники и новых культур (позже ВИР). Тогда же его приглашает Резинотрест на должность главного ботаника и научным руководителем опытов по акклиматизации каучуконосных растений в Закавказье¹. В договоре, подписанном Ю. Н. Вороновым с Резинотрестом 3 февраля 1925 г., в частности, говорилось: «Ввиду особого характера возлагаемых на профессора Ю. Н. Воронова работ и особого их значения для Государственного Треста резиновой промышленности, настоящий договор... автоматически возобновляется... На профессора Ю. Н. Воронова возлагается полное руководство как полевыми опытами, так и

¹ Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1214.

научными работами ботанической и химической лабораторий на опытных полях Резинотреста в Цихис-дзири Батумской области... На профессора Ю. Н. Воронова возлагается обязанность своевременного обеспечения семенного и посадочного материала, научного оборудования, литературы и пр., координирование работ полевых и лабораторных, составление планов работ и ежемесячных отчетов, а равно и редактирование печатных работ по результатам, достигнутым на опытных полях...».

В 1925 г. Ю. Н. Воронов опубликовал три работы: «Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет», о диких грушах Кавказа и о дикорастущих родичах плодовых деревьев Кавказа и Передней Азии. Д. И. Сосновский, реферируя вторую из упомянутых работ, отмечал: «Список автора, несомненно, явится самым необходимым справочником как для специалиста-помолога, так и для дендролога и ботаника...»². Тот же референт относительно третьей работы писал: «Настоящая работа... приоткрывает завесу, скрывающую от нас правильное понимание форм, относящихся к роду *Rugus*». В заключении последней работы Ю. Н. Воронов предлагал установленный профессором Н. И. Вавиловым закон гомологических рядов назвать законом гомоклинических рядов³. Тогда же Ю. Н. Воронов приступает к подготовке к изданию привезенного им из Тифлиса гербария, включавшего еще в дополнение к изданному до революции около 350 видов кавказских растений.

В августе 1925 г. Резинотрест направляет Ю. Н. Воронова в Америку в качестве руководителя экспедиции, в состав которой от Академии наук вошли С. В. Юзепчук, Г. Г. Боссе и В. И. Живаго, а Н. И. Вавилов прикомандировал к ней от ВИР ботаника С. М. Букасова⁴. По пути в Америку Юрий Николаевич посещает Берлин, Париж и Лондон, где налаживает контакты с рядом выдающихся европейских ботаников (Р. Пилгер, А. Шевалье, А. Хилл и др.). Далее маршрут экспедиции пролегал через Нью-Йорк, Вашингтон и Гавану в Мексику. В США содействие экспедиции оказывали такие крупные американские бо-

² Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1926, вып. 2, с. 100.

³ Там же, с. 100.

⁴ Сведения о маршрутах Ю. Н. Воронова взяты из: *Ю. Н. Воронов, Г. Г. Боссе, С. Ю. Юзепчук. Отчет Американской экспедиции Резинотреста 1925—1926 гг. (рукопись)*. — Арх. БИН им. В. Л. Комарова АН СССР, ф. 273, оп. 22, № 26.

таники, как Н. Бриттон, Х. Розби, В. Харлан, В. Максон, Д. Роуз, Е. Киллип и др. В Мексике ботанические сборы были проведены в 13 штатах, в результате чего коллекция пополнилась представителями флоры северомексиканских пустынь, Центрального плато и тропической флоры Южной Мексики. 6 декабря 1925 г. Ю. Н. Воронов писал сестре Ольге в Цебельду: «Я наслаждаюсь Мексикой, страной во многих отношениях удивительной...». В Мексике экспедиции оказывали помощь профессора Л. Леон, М. Рунд, М. Мартинер, Г. Гандара, А. Ролдан и др. Путешествие по Мексике продолжалось с начала октября 1925 г. по начало марта 1926 г. С 13 по 24 марта проводились исследования на Кубе, откуда Юрий Николаевич пишет матери в Цебельду: «Шлю тебе привет с берегов Мексиканского залива; мы здесь проездом из Мексики в Колумбию». С 27 по 30 марта экспедиция работала в Панаме, а с 1 апреля по 1 сентября 1926 г. Воронов исследует Колумбию, где ему всячески помогали местные ботаники Р. Флорес и Х. Аполлинар. В период с 9 по 23 сентября он совершает при содействии доктора Е. Питтера серию ботанических экскурсий по Венесуэле. В октябре того же года экспедиция, обследовавшая в общей сложности 12 стран Американского континента, возвратилась на Родину, привезя с собой богатейшие гербарии (например, из одной только Мексики было прислано 106 пачек), коллекции семян и др.

Ботанические коллекции американской экспедиции 1925—1926 гг. обрабатывала в течение многих лет большая группа исследователей. Часть гербарного материала была передана на обработку виднейшим зарубежным ботаникам из Берлина, Нью-Йорка, Вашингтона и других городов⁵. Материалы эти содержали в себе много нового не только в отношении систематики и флористики, но и географии растений; это объяснялось тем, что сборы проводились в странах, которые либо были изучены слабо, либо до этого вообще не посещались ботаниками.

Наиболее обширные и интересные сборы были проведены в Колумбии, которую участники экспедиции прошли от берега Карибского моря вплоть до границы Эквадора. Долину реки Магдалены обследовали от устья и почти до истоков. В сборах поэтому имелись элементы как тропического галерейного леса нижнего течения этой

⁵ Ботан. журн., 1959, т. 44, № 7, с. 1029.

реки, так и различных типов саванн в среднем и верхнем ее течении. Свои впечатления от Колумбии Ю. Н. Воронов изложил в книге «Полгода в Колумбии», опубликованной в Ленинграде в 1929 г. Из приводимых далее сведений, взятых из этой интересной книги, читатель сможет составить себе представление об условиях работы экспедиции⁶.

Членам экспедиции предстояло ехать на пароходе вверх по реке Магдалене. Обычно в апреле Магдалена бывает достаточно полноводной, но в том году царила небывалая засуха. Календарный период дождей наступил, но дождей не было, и река мелела с каждым днем. Исследователи долго томилась в бездействии, пока, наконец, их пароход смог двинуться в путь.

Первые дни они плыли вдоль плоских берегов с монотонным пейзажем. Огромные ровные пространства вокруг были заняты пастбищами с пасущимся крупным и мелким рогатым скотом. Временами попадались поля маиса, плантации сахарного тростника и бананов, рощи кокосовой пальмы, а также редкие селения, обычно представлявшие собой небольшие группы жалких хижин из бамбука, крытых пальмовыми листьями, — обиталища негров и индейцев. Над пароходом пролетали речные чайки, а на отмелях степенно передвигались голенастые жаканы и разнообразные цапли. Затем окружающая обстановка изменилась.

«...Уходят перед нами берега Магдалены, — писал Ю. Н. Воронов, — уже поросшие тропическим лесом. Чарующий пейзаж многоярусного леса с серебристой зеленью колючей «чингале», перистолистной пальмы, из которых туземцы изготавливают искусно красивые циновки. Спутанные лианами стволы гигантов, уходящих на 40—50 метров в высоту своими гладкими стволами, у земли часто снабжены досковидными подпорками. Верхние ветви окутаны зеленым войлоком эпифитов — папоротников, орхидей, бромелий, стремящихся к свету из сырого полумрака леса. На опушках грациозные геликони со своими огненными соцветиями, изящный издали, но непроходимый благодаря крепким шипам вблизи, бамбук, серебриющиеся нижней поверхностью своих лапчатых листьев декропии, в полых стеблях которых живут злые, больно кусающиеся муравьи.

⁶ Воронов Ю. Н. Полгода в Колумбии. Л., 1929, с. 1—52.

Много, слишком много зелени, но очень мало ярких красок совершенно противно сложившемуся мнению о красочности тропического леса.

Зато животная жизнь поражает разнообразием, богатством и яркостью красок и форм, а главное, — своей, я бы сказал, бесконечностью. Уже в первые дни плавания по реке я был поражен обилием насекомых, налетавших на электрический свет наших палубных фонарей. Мои морилки для насекомых уже через полчаса бывали наполнены буквально доверху кашею из трупов насекомых всех отрядов. Лёт насекомых бывал иногда свирепый, они летели тучами, забиваясь нам в рукава, за пазуху, за шею. Вокруг электрических фонарей происходила бешеная пляска, затихавшая только к полуночи. Но, обходя рано утром палубу, можно было находить отдельные экземпляры редких насекомых, заночевавших здесь же на палубе.

Днем на островах и отмелях мы наблюдали целые стада остроносых кайманов, неподвижными бревнами гревшихся на солнце. В их широко раскрытых пастьях спокойно прогуливались какие-то птички.

Ящерицы, в метр и полтора длиной, прогуливаются по берегам реки, а когда удавалось выйти на берег, зеленые игуаны, окрашенные в цвет травы, поминутно срывались с веток кустарника при приближении.

Со стороны леса неумолчно днем и ночью неслись многоголосный концерт насекомых и птиц...»⁷

Меню на пароходе не отличалось разнообразием: на стол подавали суп, твердое, как подошва, мясо голодающих на барже коров, рис, яйца и блюдечко приторно сладкого варенья. Питьевую воду везли в запаянных цилиндрах. Через несколько дней сотрудники экспедиции, не удовлетворенные пароходным питанием, устроили полдник из предусмотрительно захваченных консервов и чая. «Пассажиры приходят в ужас, — отмечает Ю. Н. Воронов, — видя, как мы в 30-градусную жару поглощаем горячий чай, а между тем только он утоляет жажду и, вызывая испарину, спасает от жары...»⁸

Частые задержки в пути утомили пассажиров. Один из них, приходский католический священник, распространил на пароходе слух, что виною всех злоключений яв-

⁷ Там же, с. 10.

⁸ Там же, с. 12.

ляются «иностранные безбожники, русские; недаром они везут с собою змей, лягушек, ящериц и прочую нечисть в банках, ловят пауков, скорпионов и насекомых. На них разгневался создатель, а заодно с ним вынуждены терпеть и остальные, невинные пассажиры». Ю. Н. Воронов и его спутники стали замечать бросаемые на них недоброжелательные, а порой и просто злобные взгляды. «Наконец, — пишет Ю. Н. Воронов, — один из ехавших с нами иностранцев прямо заявил мне, что он советует нам выбросить заспиртованную змею, что среди публики поднимается против нас ропот, и он опасается, как бы чего не вышло. Змея торжественно была выброшена за борт, пассажиры как будто удовлетворились и успокоились, по положению вещей от этого, конечно, не изменилось»⁹. Через несколько дней пароход, тяжело груженный цементом, снова сел на мель и стоял на месте две недели.

Участники экспедиции старались скоротать время экскурсиями в окружающий лес, исходив его во всех направлениях в радиусе, позволявшем вернуться в тот же день на стоянку. Отлучаться на более длительное время не рисковали, так как за ночь могла прибыть вода и пароход не стал бы их ждать. Наконец прошли дожди, и вскоре путешественники достигли столицы Колумбии — города Боготы, где пробыли несколько дней.

По поводу пребывания в Боготе Ю. Н. Воронов, в частности, отмечал: «Значительный интерес проявляется и к нашей стране. Во всех книжных магазинах можно видеть испанские переводы не только наших классиков, но и многих революционных писателей, даже полные собрания сочинений В. И. Ленина. Не говорю о рабочем классе, а равно и об индейцах, которые в значительной степени находятся под обаянием коммунистического учения...»¹⁰.

25 июня Юрий Николаевич и его спутники покинули прохладную Боготу и через 6 часов езды в битком набитом вагоне уже обливались потом в знойном Хирардоте, откуда им предстояло подняться почти до верховьев реки Магдалены и, преодолев Восточные Кордильеры, спуститься в бассейн реки Амазонки. Рекомендательное письмо к местному богатому купцу-сирийцу обеспечило экспедицию уже на следующее утро мулами для багажа

⁹ Там же, с. 13.

¹⁰ Там же, с. 18.

и для верховой езды. Отъезд назначен на 7 часов утра, писал Ю. Н. Воронов, «однако, наш „аррьеро“ (погонщик мулов) появляется только в 9 часов, с удивлением узнает, что мулов еще нет, и отправляется в поиски за ними. Через полчаса являются мулы, но без „аррьеро“. Еще через час, наконец, налицо весь наш караван, но предстоит еще процедура распределения вещей по вьюкам, увязка их в сплетенные из веревок сумки, так называемые mochilas, и самое вьючение...»¹¹ «Аррьеро» Олигарิโอ неумолимо погонял мулов и остановил караван лишь в намеченном для ночевки пункте, поскольку путь шел по выжженной пустыне, где отсутствовал корм для мулов, а ночи отличались прохладой. Уже в темноте достигли речки Кабрера и перешли через нее по висячему живописному мосту. Сразу же за мостом оказался небольшой постоялый двор, где их сначала не хотели принять на ночлег, но после переговоров с хозяином удалось расположиться в тесной комнатухе, а мулов отправить на пастбище. С восходом солнца экспедиция двинулась «в дальнейший путь по еще более безотрадной пустыне, то покрытой редкой саванной, то усеянной крупными кактусами, то, наконец, совершенно голой, с разбросанными камнями песчаника самых причудливых форм выветривания — в виде шаров, дисков, караваев и т. п. Местами дорога, проходящая по окаменелому пласту песчаника, превращается в узкий, выбитый ногами мулов коридорчик, и нужно следить, чтобы не ущемить свою ногу в стремени о стенку этого коридорчика...»¹².

Преодолев несколько таких утомительных дневных переходов по саванне с кратковременными остановками в цветущих садах и кофейными плантациями небольших селений и городках, экспедиция достигла Гвадалупы, расположенной на реке Суаса. «Река эта, — отмечал Юрий Николаевич, — известна как место выработки особого типа панам (шляп), носящих это название. Выработка их производится женщинами кустарным способом из волокон растения, близкого к пальмам. Растение это здесь разводится и носит название „ирака“. Плетение шляпы берет около двух недель времени; местные цены на шляпу 3—4 доллара»¹³.

¹¹ Там же, с. 19.

¹² Там же, с. 21.

¹³ Там же, с. 22.

Проведя в Гвадалупе два дня, исследователи снова на мулах верхом начали подъем на Кордильеры. «Проводники у нас, — записывает Ю. Н. Воронов, — местные индейцы; один из них несет с собой на случай дождя оригинальный плащ из листьев пальмы, весьма искусно сделанный и совершенно непромокаемый; он здесь в большом ходу у туземцев под названием „сара“...»¹⁴ И вот наконец перевал — позади осталась долина реки Магдалены, впереди — «беспредельное зеленое море лесов амазонской системы». Вокруг «живописнейший горный ландшафт. Причудливые формы гор одеты сплошным зеленым покровом нетронутого леса, над пологом которого высятся изящные кроны пальм; множество папоротников, травянистых и древовидных, опушки опутаны лианами, на ветвях деревьев обилие эпифитных бромелий, листья которых соперничают с цветами в яркости раскраски...». «Почти все, — продолжает Ю. Н. Воронов, — что мы видим вокруг себя, для нас ново в растительном, так и в животном мире... Дорогу медленно переползает толстая змея свыше метра длиной, и я в страхе осаживаю своего мула; но проводник успокаивает меня словом „та-такоа“; и я вспоминаю, что так называется здешний гигантский дождевой червь. Страх проходит, и я с интересом рассматриваю чудовище. В другом месте дорогу переползает, или, вернее, перебегает, другое чудовище — исполинский паук-птицеед, к слову сказать, очень ядовитый.

По мере того, как мы спускаемся вниз, ущелье местами расходитя; далеко внизу под тропой бурлит горная речка, ворочая каменные глыбы и обливая их молоком своей пены. Живописные скалы причудливыми контурами разнообразят зеленые бока гор; обильные каскады низвергаются с шумом с громадных высот и разбиваются по пути в облака водяной пыли. Если бы не другая растительность, я готов был бы думать, что путешествую в горах родного Кавказа...»¹⁵

На одной из остановок произошло событие, вначале очень напугавшее Ю. Н. Воронова, но, к счастью, окончившееся благополучно. «Мой импрессарио, — пишет исследователь, — Перрас за неимением кровати, устроил себе ложе на столе, разделся и вскочил в постель — и

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. с. 23, 24.

вдруг с криком соскочил обратно, держась рукой за бедро. Оказалось, что в постели — привезенный ли вместе с ней или забравшийся в нее уже здесь, а может быть, даже свалившийся с потолка, скрывался скорпион, и на него с размаха сел Перрас. Преступник сейчас же был обнаружен, и казнен смертью от горячего стеарина свечи за свою дерзость (он ныне обретается в Зоологическом музее Академии наук)...»¹⁶

Дальше путь вел по реке — одному из притоков Амазонки. «Здесь, — отмечал Юрий Николаевич, — на перекате нашу лодку сильно качает по волнам. Гребцы наши, метисы, хорошо знакомы с рекой; один, так называемый „пилот“, сидит на корме и правит лодкой с помощью короткого весла, а другой — „бога“ загребает таким же веслом на носу. Грести приходится пока мало, так как течение довольно быстро, часты небольшие пороги, по которым лодка наша летит стремглав. То мерно покачивается она на волнах, иной раз вздрогнув и как бы издав короткий глухой стон, когда дно заденет за камень, то погружаясь в тихую дрему на зеркале спокойного плеса. Мы плывём в зеленом коридоре. К берегам вплотную подступил первобытный лес, из глубины которого временами доносятся, нарушая торжественное молчание, необычные для европейского уха звуки: то нечто вроде клоткания кипящего котла, то режущий свист, то какой-то бухающий стон. Наши гребцы называют по именам каждого из нарушителей тишины, но для нас это пока пустые звуки.

В воздухе душно, парит, мы обливаемся потом, хотя одеты лишь в легкие рубахи. Будет ливень, обычный здесь и по нескольку раз на день чередующийся с часами яркого жгучего солнца...»¹⁷

Из многочисленных индейских племен, населявших необозримые пространства Амазонского бассейна, сотрудникам экспедиции удалось во время этого путешествия познакомиться только с двумя. В отношении первого из них Ю. Н. Воронов писал: «...Коррегуахи отличаются невысоким ростом, но довольно коренасты. Цвет кожи светло-коричневый, лицо обыкновенно широкое, заметно скуластое, ясно монгольского типа, хотя среди наших знакомцев попался один с негроидным типом и курчавыми волосами, в то время как обычно волосы гладкие,

¹⁶ Там же, с. 25.

¹⁷ Там же, с. 26.

у мужчин остриженные в кружок, у женщин заплетенные в косы. Все коррегуахи тщательно уничтожают всякую растительность на лице, усы, бороду, брови и ресницы. „Как во дворе не должно быть сорной травы, так у человека не должно быть волос на лице“, — говорят они. Детям уже в самом юном возрасте производят операцию выщипывания бровей и ресниц, и делается это с помощью нежных волоконцев пальмы „кумаре“, петелькою которых плотно захватывают волосок и быстрым движением выдергивают. Также характерна для коррегуахов живописная разрисовка красной и черной краской лица, рук и ног и ношение украшений в ушах и носу. Разрисовка лица в ходу только у мужчин, которые с большим искусством покрывают себе щеки и лоб кружками, спиралями, четырехугольниками и др[угими] преимущественно геометрическими фигурами. Руки до локтей и ноги до половины голеней сплошь покрываются обыкновенной краской. Украшения в ушах и носу состоят в скромном случае из гладко отполированной палочки из древесины пальмы „чонта“; более кокетливые готовят палочки из бамбука или тростника, вкладывая в них разноцветные перышки попугаев, туканов и кардиналов, причем пучок перышек всегда направлен назад. Весьма оригинальное украшение, или, вернее талисман, оказалось у одного старика; оно состояло из острого шипа пальмы „чучана“, пронизывавшего насквозь верхнюю губу и упиравшегося кончиком в язык.

У всех почти мужчин на руках, повыше локтя, висят пучки ароматных трав или растрепанной пахучей коры, у белых эти пучки носят название „браслетов“. В парадных случаях шея украшается ожерельями, преимущественно из зубов диких животных, особенно ягуара, или же из плодов какого-то невыясненного нами растения, разрезанных на половинки. При сотрясении плоды эти очень мелодично гремят. В ожерелья вплетаются ярко окрашенные хвосты попугаев и туканов и шкурки различных птиц. Для украшения головы служат очень красивые венцы из птичьих перьев, в которые вертикально втыкаются хвостовые перья попугаев. Виденные нами женщины, наоборот, очень скромно одеты и имеют ожерелья из разноцветных мелких бус на шее, запястьях и щиколотках. . .»¹⁸.

¹⁸ Там же, с. 28, 29.

«Знакомясь с литературой, — продолжает Юрий Николаевич, — приходилось читать, что коррегуахи принадлежат к числу наиболее диких и свирепых племен. Это совершенно не применимо к нашим знакомцам из поселка Хетуча. Наоборот, они очень приветливы, услужливы, но притом чрезвычайно замкнуты, я бы сказал — насторожены к белым. Однако, если мы прочтем надевшую в свое время столько шуму „Красную книгу о Перу“, результат международного расследования жестокостей, производившихся в каучуконосных областях верхней Амазонки над туземным и пришлым населением бандами клевретов перуанского сенатора Арана, эта настороженность станет нам понятна. Кровавые страницы этой книги повествуют нам о том, что добыватели каучука до последнего времени находились в жестокой и пожизненной кабале у доверенных этого монополиста каучуковой добывающей промышленности, получившего на откуп от правительства неограниченные пространства амазонских лесов. Приказчики сенатора были вольны даже над жизнью сборщиков каучука, не говоря о том, что за всякую оплошность в работе, за недобор продукта, и т. п. их подвергали жестоким наказаниям и даже пыткам. . .»¹⁹

Прежде чем продолжить путь вниз по реке, Ю. Н. Воронов и его спутники совершили несколько экскурсий по окрестностям и ознакомились с местным первобытным лесом.

«Сопровождающие нас индейцы, — отмечал Юрий Николаевич, — великолепные ботаники. Они знают каждое дерево, каждую травку не только по имени, но и по полезным или вредным свойствам. Неподдалеку от поселка находятся плантации маниока, ананаса (кстати сказать, по отзыву бывшего здесь за год до нас бельгийца Claes'a, лучших из известных ему по качеству), сахарного тростника. Небольшие возделанные участки с теми же растениями, а также с разнообразными сортами очень жгучего перца, съедобным таро (*Caladium*), особым арроурутом, встречаются и дальше. Здесь же посажены кока и яхе. Последний, впрочем, по словам наших проводников, заговорен колдуном враждебного клана и потерял свои чудесные свойства.

---

¹⁹ Там же, с. 31, 32.

Дальше идет девственный лес, в котором исчезает видимая нами тропинка. Над нами возвышаются могучими кронами многосаженные исполины растительного мира, под сенью которых расположились несколькими ярусами менее крупные члены лесного сообщества. Вот стоит огромное дерево, под сенью которого свободно расположилась бы пара рот; с ветвей его, поросших папоротниками и орхидеями, спускаются до земли воздушные корни эпифита, как толстая проволока, — это та самая «древесная проволока», которой скрепляются каркасы построек и жерди изгородей. В другом месте сквозь зеленое кружево листвы видна чудная бромелия в пышном наряде розовых цветов. Нам необходимо добыть ее, дерево срубается, но... не падает: его задерживает тысяча невидимых канатов — лиан, опутавших соседние деревья: чтобы свалить наше дерево, нужно свалить и соседей. Наконец, со страшным грохотом и стоном, повторенным гулким эхом лесной пустыни, вся эта связанная воедино древесная масса, с оплетающими их лианами, падает на землю, и я боюсь, что от нашей бромелии останется только мокренько в хаосе изломанных стволов и ветвей. Но нас постигла удача: розовая фея невредимо покачивается над самой землей на воткнувшемся в нее суку и попадает в наш гербарий...»²⁰

В свободное от ботанических поисков время Ю. Н. Воронов знакомился с бытом индейцев и приобретал у них некоторые предметы обихода. «Одним из первых приобретенных этнографических предметов, — сообщает исследователь, — является ожерелье из зубов ягуара, которое удастся добыть за крупную, впрочем, сумму, от мрачного колдуна. Это своего рода уник, состоящий из 36 клычков, подобранных строго по величине от очень крупных до мелких. На это ожерелье пошло 18 животных, из которых некоторые, судя по величине зубов, были матерые, редкие самцы; клычки эти собирались, вероятно, не одним поколением.

Затем к коллекции присоединилось ожерелье из мелодичных плодов-погремушек, с вплетенными в него ярко окрашенными птичьими шкурками и хвостиками. Его мне уступил весельчак Педро, смеявшийся таким звонким, заразительным смехом. За десятицентовые монеты ребятишки доставали мне образцы плетений и

²⁰ Там же, с. 35.

своих игрушек: волчок из плода пальмы „кумаре“ и мячи из листьев маисовых початков. Последним играют наподобие нашего тенниса, пользуясь ладонями рук вместо ракеток. Я часто любовался их ловкой игрой. Одна девчурка принесла мне милое ожерелье из плодов мелкой пальмы, а от одной из почтенных матрон я получил очень интересный гребешок, вроде нашего частого гребня, но изготовленный из двухсторонних отдельных зубьев из черной древесины пальмы-чонты, скрепленных двумя поперечными палочками и изящно переплетенных тонкими шнурками пальмовой фибры.

Несмотря на незначительное количество предметов, впоследствии оказалось, что многие из них отсутствуют в европейских музеях, напр[имер] в Париже и даже в Берлинской коллекции Т. Прейсса, посетившего эти места за несколько лет до нас. Поэтому наш академический музей, куда я передал свои этнографические сборы, владеет в настоящее время рядом редких объектов индейской этнографии. . .»²¹

Затем экспедиция вновь двинулась на юг. «... Вот, наконец, последнее плесо, — записывает Ю. Н. Воронов, — за которым цель нашей поездки — „таинственная“ Какета — такой эпитет получила она, в то время как Амазонка носит название „величественной“, а Ориноко — «великоленного». Таинственность вообще присуща всем здешним рекам. Неизгладимым в памяти остается воспоминание о плавании по этим могучим водным артериям, где в нетронутой чистоте является нашему глазу тропическая девственность, не нарушаемая пятнами культуры. Разве мелькнет кой-где незаметным пятном какое-нибудь ранчо, оставленное на берегу за ночевавшими „балотеро“. Панорама растительности меняется на каждом шагу. Царственные пальмы, могучие сейбы и фикусы, с искривленных сучьев которых, обросших мохом эпифитов, многосаженными зелеными струнами спускаются к земле воздушные корни ароидных, а среди них нет-нет да сверкнет ярким нарядом пышная бромелия; склоняющиеся к воде своими лапчатыми листьями, подбитыми серебряным войлоком, цекропии, ветви которых кишат больно жалящими муравьями; усыпанные ярко-окрашенными плодами три-

²¹ Там же, с. 37, 38.

пларисы, тоже населенные муравьями, укусы которых подобен прикосновению раскаленного угля; живые цветники пахучей белоцветной инги и розовых миконий, ветви которых колышутся струями полной воды; кружевные купы бамбуков и шелестящий листьями камыш; одетые в кардинальские цвета геликонии, — все это теснится своей зеленой и красочной стеной к самой воде. А за ними таинственность, говорящая с вами непонятными шумами и шорохами, вздохами и стоном, о кипучей жизни, о счастье бытия и горести смерти, о бесконечности жизни и вечности борьбы...»²²

Наконец экспедиция достигла главного поселения уитотов — одного из индейских племен. «...Ударами в магуаре, — рассказывает Юрий Николаевич, — окрестные индейцы были оповещены о нашем прибытии в поселок. Мы расположились на просторной террасе дома здешнего „капитана“, который встретил нас, сидя на стуле с сидением из ягуаровой шкуры. Неподалеку, у особой стойки покоился его капитанский жезл, лук со стрелами и небольшая тыквочка, повешенная на стойке, с какой-то темной густой жидкостью. Время от времени индейцы вынимали оттуда погруженную в жидкость палочку и обсасывали ее. Оказалось, что это густой отвар табачного сока. Уитоты этого поселка, принадлежащие к клану „ядовитых“ (venenosos), в значительной степени затронуты цивилизацией. Одежда их европейского типа, но живущие дальше в лесах ходят почти голыми, прикрывая себе лишь бедра куском материи, а чаще куском коры. Кора эта снимается с дерева, носящего у белых название „фоно“, мочится в воде, а затем разбивается деревянными колотушками; получается нечто вроде толстого грубого войлока, из которого и спивается волокнами пальмы нечто вроде коротких панталон. Образец такого примитивного одеяния висел здесь на потолке веранды, но, несмотря на все мои уговоры, продать мне его не пожелали, равно как и интересных ручных и пожных браслетов-погремушек, которые они надевают во время церемониальных танцев. Единственными этнографическими приобретениями, кроме двух прекрасного плетения гамаков, была колотушка для магуаре — предмет священный, на продажу которого мне удалось склонить после долгих уве-

²² Там же, с. 39.

Щаний и угощений капитана, да и то присутствовавшие при этой сценке индейцы были недовольны капитаном и что-то укоризненно выговаривали ему на своем сильно гортанном, в сравнении с коррегуахским весьма неблагозвучном, языке. Должен сказать, что мне в этом отношении повезло: уже упоминавшемуся выше немецкому этнографу Прейссу это не удалось и, узнав о моем приобретении в Берлине, он очень уговаривал уступить ему эту вещицу, предлагая хорошее вознаграждение. Колотушка наша хранится в нашем академическом музее. Насколько я осведомлен, подобный же экземпляр имеется только в одном музее за границей...»²³

Дальше путь по воде шел до Флоренсии, откуда вновь на мулах экспедиция двинулась в обратный путь, вскоре достигнув города Нейвы. Один из вечеров Ю. Н. Воронов провел в доме местного врача Л. Кабрера, сообщившего ему очень много ценных сведений о хинном дереве и его культуре в Восточных Кордильерах, о растительном воске Центральных Кордильер, из которого до недавнего времени изготавливали свечи и факелы для местных рудников, о многих других интересных растениях. «Здесь мы находимся, — отмечал Юрий Николаевич, — на границе т[ак] наз[ываемой] внутренней или индейской территории, до сих пор пользующейся частичной автономией и находящейся под управлением собственных выборных вождей. Не во все части этой территории свободен доступ белым; для этого требуется согласие вождя...»²⁴

Л. Кабрера много рассказывал о местных достопримечательностях. «...Внутренняя территория, — записывал Ю. Н. Воронов, — была заселена племенами с довольно высокой культурой. После них остались интересные погребальные площадки на террасированных склонах гор, курганы с любопытными глиняными и золотыми изделиями, покрытые неразгаданными письменами камни, и другие остатки старины, пока мало исследованные археологически и этнографически. Но рядом с ними жили и свирепые каннибалы, населявшие малодоступные ущелья. Впрочем, и нравы наиболее культурных племен хроникеры рисуют нам в очень мрачных красках, говоря о кровавых человеческих жертвах,

²³ Там же, с. 41, 42.

²⁴ Там же, с. 45.

приносившихся ими периодически для умилостивления богов. В настоящее время они официально числятся католиками, но сохранили наряду с новой религией многое от старого язычества...»²⁵

После обследования этой территории экспедиция направилась к городу Палермо. «...Наше пересечение предгорий, — отмечал Юрий Николаевич, — Центральных Кордильер, совпавшее как раз с временем на самом кануне дождей, убедило нас в том, что грозный процесс лесоистребления идет прогрессирующим темпом и оставляет позади себя бесплодную саванну или пустыню. Рациональное более или менее земледелие, — культура сахарного тростника, кофейные плантации и т. п., — лишь мелкие бледные пятна на общем фоне стихийной оргии истребления лесов. Иногда даже трудно бывает поверить, что всего два-три года тому назад в данном месте еще мог быть лес, как напр[имер] под городком Палермо, где нам предстояла первая ночевка. Широкая долина реки, насколько хватает глаз, не несет на себе ни одного деревца, но, спускаясь в нее с горы, вы замечаете, что вся она усеяна черными точками; это древесные пни, превратившиеся в термитовые гнезда. И этими черными зловещими конусами усеяна вся долина...»²⁶

От Палермо экспедиция двинулась к Сур-де-Ату, где было проведено исследование каучукового дерева, растущего в верхних горизонтах Центральных Кордильер. «Длительный и утомительный трехдневный путь по этим горным дебрям, — отмечал Ю. Н. Воронов, — где едва ли до нас проезжал европейский исследователь, осложнялся еще тем, что мы неоднократно попадали под проливные дожди. Кроме того, запас консервов у нас истощился, и мы эти дни буквально голодали, питаясь «chocolate», бананами, соленой и безвкусной похлебкой из жесткого, как подошва, мяса. На это мясо я не мог без тошноты смотреть после одной ночи, проведенной в лачуге, увешанной ломтями сушившегося мяса, наполнявшего наше ночное убежище смрадом и зловонием...»²⁷

Экспедиция в Колумбию подходила к концу. «...Я ежедневно подолгу любуюсь несравненной панор-

²⁵ Там же, с. 46.

²⁶ Там же, с. 47.

²⁷ Там же, с. 49, 50.

рамой Магдалены, — писал Юрий Николаевич, — и с некоторой грустью, навсегда, вероятно, — прощаюсь с Колумбией. Никогда из моей памяти не изгладятся воспоминания о проведенных здесь нескольких месяцах. Это — богатейшая по естественным своим ресурсам страна, владеющая платиной и золотом, изумрудовыми копиями знаменитого Мусо, огромными запасами нефти, и трудолюбивое ее население достойно лучшей участи, чем нищета физическая и убогость духовная, которые одинаково царят по всему проделанному нами пути во всю длину страны и на половину ее ширины...»²⁸

Пребывание советской экспедиции в Колумбии широко освещалось в местной прогрессивной печати. Сообщая о приезде советских ученых в Боготу, газета «Эль эспектадор» в статье «Русская экспедиция» писала: «Надо надеяться, что оно (т. е. правительство Колумбии. — А. К. и Ю. В.) не только не станет чинить препятствий или каких-либо ограничений исследованиям русских специалистов, но и окажет им всякого рода содействие». Газета подчеркивала, что приезд советских ботаников «представляет собой доказательство ряда больших культурных усилий, которые осуществляются сейчас в России, усилий, достойных восхищения и аплодисментов всякого цивилизованного человека, независимо от того, какого бы мнения он ни придерживался о политическом строе, установленном там революцией». Приезд советской ботанической экспедиции в Колумбию считается «отправной точкой советско-колумбийских культурных и научных связей»²⁹.

Основной целью поездки Ю. Н. Воронова в Америку были изучение каучуконосов и выяснение возможностей их интродукции в СССР. Результаты этой работы Юрий Николаевич изложил в статьях «Американские каучуконосы и возможность натурализации их в СССР», «Проблема каучуконосов умеренных и субтропических районов» и в книге «Мексиканский каучуковый куст — „гуаюла“», опубликованных в 1928—1929 гг. Работы советской экспедиции в Колумбии позволили установить,

²⁸ Там же, с. 51, 52.

²⁹ Горохов В. В., Сизоненко А. И. Советско-колумбийские культурные и научные связи. — В кн.: Культура Колумбии. М.: Наука, 1974, с. 321, 322.

что эта страна является крупным центром развития каучуконосных видов рода *Saribus* (сем. молочайных); экспедицией было собрано в Колумбии не менее 18 видов сапшума, из которых 16 были неизвестны ранее ни в науке, ни в технике. Наибольшее внимание исследователей привлек мексиканский полukuстарничек гвайюла. Это растение оказалось очень перспективным для советских субтропиков, хотя и давало каучук невысокого качества, пригодный как компонент для менее важных по их значению смесей. Позднее в СССР начали проводить большие селекционные работы именно с гвайюлой³⁰.

По возвращении из экспедиции параллельно с работой в качестве заведующего Кавказским гербарием в Ленинградском саду Ю. Н. Воронов руководил секцией субтропиков в Институте прикладной ботаники и новых культур (позже ВИР). Под редакцией Юрия Николаевича вышло несколько томов трудов этого института. Тогда же он принял активное участие в подготовке «Флоры Юго-Востока европейской части СССР»; для этого он обработал подсемейства яблоневых и сливовых, а также семейства крестоцветных и зонтичных. По отзывам специалистов, «названные обработки были едва ли не лучшими в этом издании». В последние месяцы жизни ученый активно включился в разработку проекта издания «Флоры СССР», для которого начал обработку семейств ирисовых, орхидных, зонтичных и рода *Suregus*. Тогда же он приступил к составлению «Флоры Малой Азии», для которой подготовил библиографический каталог³¹.

В эти же годы Ю. Н. Воронов непосредственно сотрудничал как с давними соавторами — А. Н. Бушем и В. В. Марковичем, так и со многими выдающимися советскими ботаниками, среди которых в первую очередь необходимо отметить Н. И. Вавилова, Н. Н. Воронихина, Е. В. Вульфа и С. В. Юзепчука.

Николай Иванович Вавилов (1887—1943) — крупнейший советский биолог, генетик, агроном и путешественник. В 1914 г. окончил Московский сельскохозяйственный институт, в 1923 г. избран членом-корреспондентом, а в 1929 г. действительным членом Академии наук СССР и УССР. Н. И. Вавилов — выдающийся организатор советской биологической науки — возглавлял Государственный институт опытной агрономии (1923), Всесоюзный

³⁰ Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1216.

³¹ Там же.

Институт прикладной ботаники и новых культур (1925), а также созданный им Институт генетики АН СССР (1933). В 1929 г. его избрали президентом ВАСХНИЛ. Перу Н. И. Вавилова принадлежит несколько сот работ по проблемам происхождения, географии, филогении и селекции многих культурных растений, в первую очередь пшеницы и ржи. Свои путешествия начал с поездки на Кавказ (1908), затем побывал в Иране и на Памире (1916), в США и странах Западной Европы (1913—1914, 1921—1922), Афганистане (1924), Средней Азии (1925), в странах Средиземноморья, Эфиопии и Эритрее (1926—1927), в Западном Китае, Японии, на острове Тайвань и в Корее (1929), в США, Мексике и странах Центральной и Южной Америки (1930, 1932—1933)³².

Идеи Н. И. Вавилова оказались чрезвычайно близки Ю. Н. Воронову, который сразу же откликнулся на сформулированный Н. И. Вавиловым закон гомологических рядов в наследственной изменчивости. Н. И. Вавилов способствовал переезду Воронова в Ленинград и устройству его в Институт прикладной ботаники и новых культур, принял самое активное участие в подготовке экспедиции в Америку, находился с ним в постоянной деловой и дружеской переписке, направляя ход исследовательских работ. В одном из писем С. М. Букасову Вавилов писал: «Прошло 4 месяца со времени Вашего отъезда. За это время пара малосодержательных писем, словно Вы не в экспедиции, в то время как от Ю. Н. Воронова я получил полдюжины больших писем о том, что он сделал для Вас все, что мог... Мексика для нас страна большого интереса; история земледельческой культуры, состав культурных растений, состав кукурузы, табака, пасленовых, фасоли, тыквы, для нас неизвестен»³³. Н. И. Вавилов очень высоко оценивал итоги советской экспедиции в Америку, в результате которой было обнаружено 13 видов картофеля, из которых до этого был известен только один вид.

Евгений Владимирович Вульф (1885—1941) — крупнейший советский ботаник-географ, систематик, специалист по культурным растениям. В 1909 г. окончил Венский университет, в 1910 г. стал доктором философии, в 1921 г. — профессор, в 1922 г. — магистр ботаники, в 1936 г. — доктор биологических наук; автор около 200 печатных работ, в том числе ряда книг, вошедших в золотой фонд мировой ботанической науки («Историческая география растений», «История флор земного шара» и др.). В 1926 г. был

³² *Резник С. Е.* Николай Вавилов. М.: Молодая гвардия, 1968, с. 328.

³³ Там же, с. 252.

приглашен ученым специалистом в Институт прикладной ботаники и новых культур (позже ВИР) в Ленинград, где организовал секцию эфиромасличных растений и интродуцировал в СССР ряд новых культур³⁴. Ю. Н. Воронова с Вульфом сблизили не только совместная работа, но и давний интерес Юрия Николаевича к флоре Крыма, одним из лучших знатоков которой был Е. В. Вульф.

Николай Николаевич Воронихин (1862—1956) — выдающийся советский альголог-флорист, миколог, фитопатолог и гидробиолог. В 1907 г. окончил Петербургский университет, в 1934 г. — доктор биологических наук, в 1939 г. — профессор. Н. Н. Воронихиным написано более 200 работ; самая фундаментальная из них — «Флора водорослей континентальных водоемов Европейского Севера СССР» (1934—1941). На Кавказе работал с 1912 г. сначала в качестве миколога Сочинской сельскохозяйственной станции, а затем заведующим отделом споровых растений и микологическим кабинетом Тифлисского ботанического сада (1915—1922). В 1912—1913 гг. вел сборы грибов и водорослей в окрестностях Сочи, Хосты, Адлера, Гудауты, Сухуми, Красной Поляны, в последующие годы аналогичные сборы проводил на Северном Кавказе (1914 и 1925), в Талыше и Боржомском ущелье (1916), в Терской области (1917, 1925), в окрестностях Батуми и Бакуриани (1919), в Боржомском районе, Чакве и других пунктах Грузии (1920—1922). В 1922 г. переехал в Ленинград, где в Главном ботаническом саду (позже Ботанический институт АН СССР) с 1922 по 1931 г. возглавлял организованный им же отдел гидробиологии³⁵. Ю. Н. Воронов и Н. Н. Воронихин были долгие годы большими друзьями, и эта дружба была продолжена их детьми.

Сергей Васильевич Юзепчук (1893—1959) — крупнейший советский флорист и систематик. Учился в Петербургском университете (1911—1918), в 1935 г. стал кандидатом, а в 1941 г. доктором биологических наук, в 1947 г. — профессором Ленинградского университета. Перу его принадлежит более 200 статей и заметок. В 1925—1928 гг. в составе американской экспедиции Резинотреста проводил исследования в Мексике, на Кубе, в Панаме, Колумбии, Перу, Боливии, Чили, Аргентине и Бразилии. В 1927—1929 гг. С. В. Юзепчук работал по совместительству во Всесоюзном институте прикладной ботаники и новых культур, где изучал систематику картофеля и вопросы происхождения культурных растений американских центров. В последующие годы С. В. Юзепчук принял участие в создании многочисленных коллективных трудов, в первую очередь в разработке плана «Флоры СССР», страницы которой он затем украсил многочисленными и превосходными обработками³⁶. За время совместных работ в Америке С. В. Юзепчук близко сошелся с Вороновым и впоследствии называл его в числе своих учителей. Памятником этих добрых отношений остался род *Wogonowia* и три вида растений, которым С. В. Юзепчук присвоил имя Воронова.

³⁴ Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь / Сост. С. Ю. Липшиц, М., 1947, т. 2, с. 194—200.

³⁵ Там же, с. 169—177.

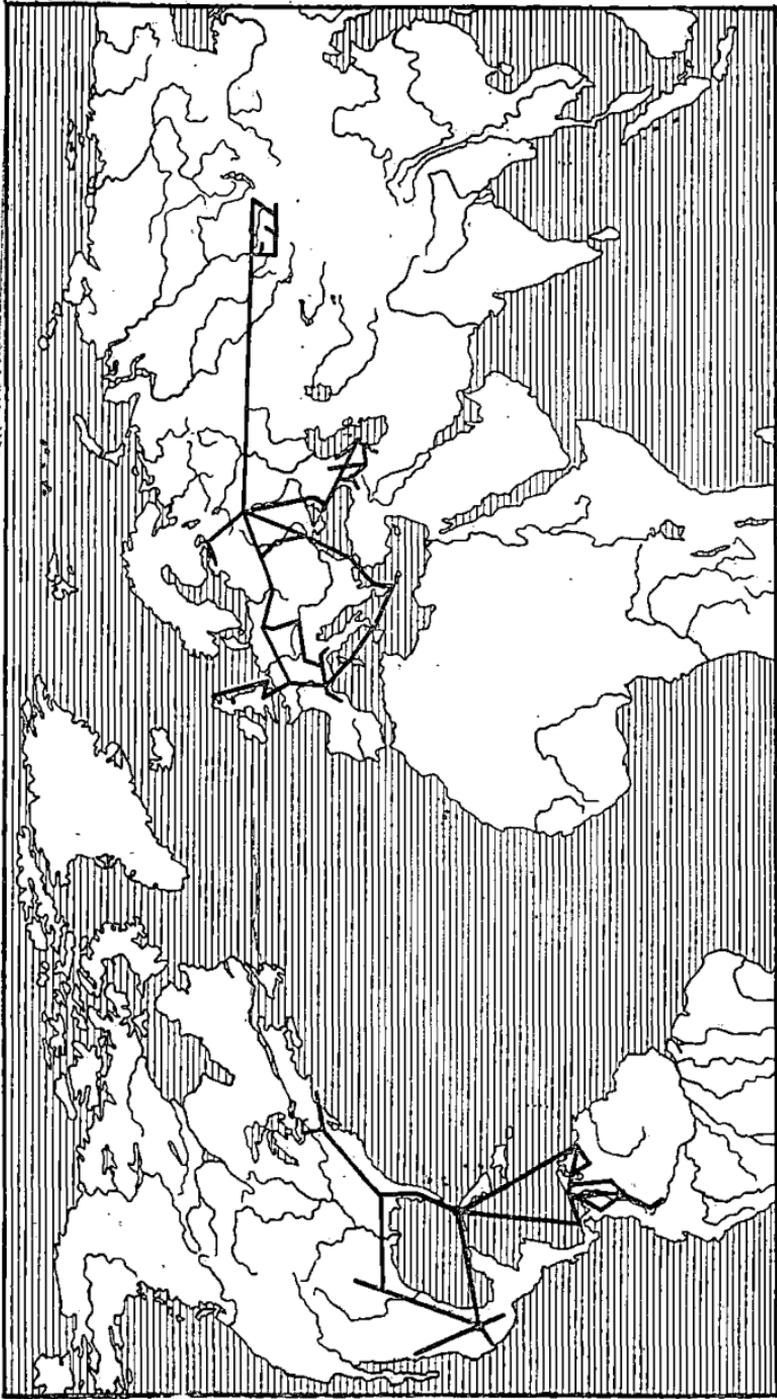
³⁶ *Кирпичников М. Э.* Сергей Васильевич Юзепчук (биографические сведения и краткий анализ творчества). — Ботан. журн., 1959, т. 44, № 7, с. 1028—1040.

Проводя огромную работу по самым различным областям ботанической науки, Ю. Н. Воронов не оставлял мысли о завершении своего труда «Флора Абхазии». Летом 1929 г. его вновь неодолимо повлекло в горные районы Абхазии, где он продолжил исследование флоры Бзыбского хребта. Летом 1931 г. он снова поднялся на этот хребет и прошел до вершины горы Дзышра. Однако мечтам Воронова не суждено было сбыться — 10 декабря 1931 г. наступившая в результате кровоизлияния в мозг смерть прервала плодотворную работу ученого. Научное наследие Ю. Н. Воронова — его отдельные статьи — продолжали выходить из печати до 1937 г. Незавершенную же «Флору Абхазии» постигла печальная участь. Вот что писал об этом вскоре после смерти Ю. Н. Воронова его ученик и ближайший сотрудник В. А. Монюшко (1904—1934): «Завершающей работой должна была явиться полная „Флора Абхазии“, подготовленная в последние годы к печати. Издание ее брал на себя журнал „Субтропики“. Ввиду того что в почти готовый труд вносились поправки и дополнения, можно полагать эту крупнейшую работу не утраченной»³⁷. Работавший совместно с Юрием Николаевичем в ВИР Е. В. Вульф написал следующее: «Вся подготовительная работа к составлению этой „Флоры Абхазии“ была закончена, и в своем мозгу Ю. Н. носил редкое знание не только систематики, но и биологии каждого растения Абхазии. Этим знаниям оставалось лишь вылиться на бумагу, но смерть оборвала нить мысли Ю. Н. и оставила незавершенным, по всей вероятности, одно из лучших исследований по флоре СССР»³⁸. Виднейший ботаник-кавказовед А. А. Гроссгейм отмечал: «Незадолго перед смертью Ю. Н. Воронов закончил „Флору Абхазии“, работу, которая была начата им еще в конце девятисотых годов прошлого столетия и к которой он непрерывно возвращался в течение всей своей жизни. Нет сомнения в том, что работа эта представляет огромный научный интерес и должна быть опубликована в возможно ближайшем будущем»³⁹.

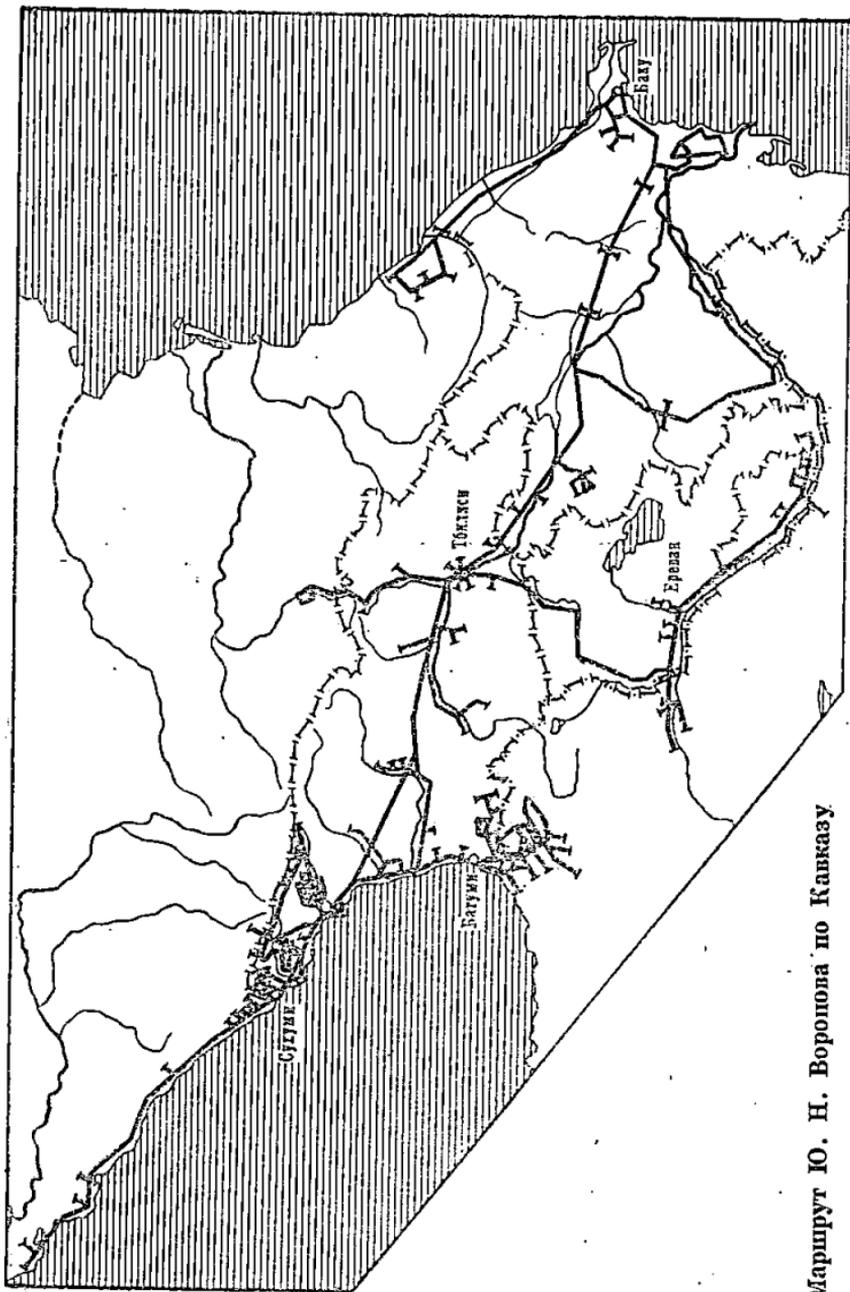
³⁷ Монюшко В. А. Проф. Ю. Н. Воронов. — Сов. Абхазия, 1931, 20 дек., с. 4.

³⁸ Вульф Е. В. Юрий Николаевич Воронов. — Природа, 1932, № 4, с. 359.

³⁹ Гроссгейм А. А. Памяти Ю. Н. Воронова. — Тр. Азерб. отд-ния Закавказ. филиала АН СССР, 1933, т. 1, с. 68, 69.

Маршруты Ю. П. Воронова по Евразии и Америке

Маршрут Ю. Н. Воропова по Кавказу

Вскоре после кончины Ю. Н. Воронова С. В. Юзефчуку и Е. Г. Боброву было поручено ознакомиться с рукописными материалами ученого. В этой связи профессор Е. Г. Бобров писал: «Мы видели часть рукописи „Флоры“, это был начисто от руки переписанный текст приблизительно на 150 страницах, с краткими описаниями видов Абхазии, с характеристиками родов и краткими ключами для определения видов. Рукопись эта составляла едва ли более одной третьей части всего объема „Флоры Абхазии“, причем ею были охвачены разные семейства и роды (без определенной системы) и не было в ней сколько-нибудь четко очерченных, вполне законченных разделов»⁴⁰.

Летом 1934 г. в Ленинграде побывал тогдашний директор Абхазского научно-исследовательского института С. Чанба, который попросил у вдовы Юрия Николаевича О. П. Вороновой рукопись «Флоры Абхазии» для доработки. Ему были даны машинописные копии труда, а подлинник остался в Ленинграде. Во время блокады Ленинграда в апреле 1942 г. умерла О. П. Воронова. С ее смертью пропал рукописный подлинник «Флоры». Примерно в то же время теряются следы машинописных копий, находившихся в Сухуми. Так исчезло любимейшее детище Ю. Н. Воронова, которое, будучи доведенным до конца и появившись оно на свет, было бы ему лучшим памятником.

Проверка временем

В ряде некрологов, появившихся в печати вслед за кончиной Ю. Н. Воронова, давалась высокая оценка заслугам ученого. Здесь уместно будет привести некоторые выдержки из этих документов.

Выдающийся советский ботаник академик А. А. Гроссгейм писал: «Это тяжелая утрата для кавказской ботанической науки, так как без всякого преувеличения можно сказать, что в лице Ю. Н. Воронова мы потеряли лучшего во всем мире для нашего времени знатока флоры Кавказа... Ю. Н. Воронов был прежде всего выдающимся флористом, тонко чувствующим флору района, в котором ему приходилось работать. Каждая поездка

⁴⁰ Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1217.

его давала целый ряд редких и новых видов не только для района, но и для всего Кавказа. Кроме того, Ю. Н. Воронов был одним из крупнейших систематиков Союза; систематические работы его отличаются необычайной тонкостью, широким теоретическим охватом и изяществом методики... особую ценность для всех нас, кавказских ботаников, приобретало личное общение с ним, всегда обогащавшее новыми сведениями обращающихся к нему по вопросам кавказской флоры¹.

О Ю. Н. Воронове как об ученом, «обладавшем обширными знаниями и исключительной преданностью науке, являвшейся смыслом его жизни и всех его высоких стремлений», писал профессор И. В. Палибин². «Разнообразие пройденной служебной карьеры, — отмечал профессор Е. В. Вульф, — дало возможность Юрию Николаевичу ознакомиться с флорой Кавказа, которую он, будучи страстным любителем природы, изучал до тонкости во время своих многочисленных экскурсий по всему Кавказу. Знания Юрия Николаевича охватывали не только флору Кавказа: обладая прекрасной памятью, он был великолепно ориентирован в различных областях знания... Но если наука потеряла одного из своих преданнейших представителей, то мы, его товарищи по работе, лишились возможности черпать советы в кладезе знаний, носителем которого был Юрий Николаевич»³.

Профессор Н. А. Буш на траурном митинге зачитал некролог, составленный при участии И. В. Палибина. Там говорится: «Западное Закавказье... в лице Воронова имело наиболее энергичного исследователя из числа всех ботаников, работавших на Кавказе... Воронов, изучая флору Западного Закавказья, сделал гораздо больше для нее, чем все ботаники Кавказа... Обширные коллекции Воронова, весьма тщательно собранные, обогатили наши гербарии превосходными экземплярами растений, которые навсегда послужат памятником деятельности Воронова в деле изучения флоры Кавказа... Во всех своих работах Воронов являлся оригинальным работником, вкладывавшим в каждый труд много цен-

¹ Гроссгейм А. А. Памяти Ю. Н. Воронова. — Тр. Азерб. отд-ния Закавк. филиала АН СССР, 1933, т. 1, с. 68, 69.

² Палибин И. В. Ю. Н. Воронов. — Сов. ботаника, 1933, № 1, с. 91, 92.

³ Вульф Е. В. Юрий Николаевич Воронов. — Природа, 1932, № 4, с. 358, 359.

ных данных благодаря своим разносторонним дарованиям и лингвистическим способностям, позволившим емузнакомиться с языком тех стран, в которых он путешествовал»⁴.

С тех пор прошло почти 50 лет. Но в отношении науки к этому своему верному труженику мало что изменилось. Профессор Е. Г. Бобров, опубликовавший в «Ботаническом журнале» обстоятельную статью, посвященную памяти Ю. Н. Воронова в связи с 100-летием со дня его рождения, так завершил свой очерк: «Исследователи флоры Кавказа постоянно имеют дело с видами, установленными Юрием Николаевичем, они всегда обращаются и к его публикациям; это будут делать и следующие поколения ботаников, им также придется согласовывать свои выводы с тем, что было ранее сделано по многим вопросам Ю. Н. Вороновым. Совершенно справедливыми были слова Н. И. Вавилова, сказанные им у гроба Ю. Н. Воронова, о том, что Юрий Николаевич счастливо избрал для себя работу в области систематики растений, где все сделанное исследователем не может быть забыто»⁵. Трудно что-либо добавить к этим словам.

Ю. Н. Вороновым найдено более 150 видов высших растений, неизвестных для флоры Кавказа, впервые описано более 120 новых видов. Имя Воронова носят 38 видов и один род растений. Многие из этих растений пользуются заслуженной известностью. О роде *Wogonowia*, которому это имя присвоил С. В. Юзепчук, во «Флоре СССР» сказано: «Названо по имени Ю. Н. Воронова (1874—1931), известного ботаника и путешественника, одного из лучших знатоков флоры Кавказа, особенно много потрудившегося над изучением флоры Зап. Закавказья и, в частности, Абхазии»⁶. И представляется весьма символичным, что единственные в мире фитоценозы, образованные родом *Wogonowia* в известковых высокогорьях Абхазских Альп, давно уже стали как бы природным памятником труженику науки — Юрию Николаевичу Воронову.

⁴ ЛО ААН СССР, ф. 854, оп. 1, № 69, л. 7, 22; ЛО ААН СССР, ф. Персоналия, разряд V, оп. В, ед. хр. 101.

⁵ Бобров Е. Г. Памяти Юрия Николаевича Воронова (к 100-летию со дня рождения). — Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1217.

⁶ Флора СССР. М.; Л., 1941, т. 10, с. 250.

Основные даты жизни и деятельности

- 1874, 1 (13) июня — В Тифлисе родился Юрий Николаевич Воронов.
- 1885—1894 — Учеба в Кутаисской гимназии.
- 1894—1896 — Студент Новороссийского университета (Одесса).
- 1896 — Студент Московского сельскохозяйственного института и Московского университета.
- 1897—1898 — Учеба в сельскохозяйственном колледже в Монпелье (Франция). Поездки в Южную Америку и Северную Италию.
- 1898—1899 — Работа садовником в Сухуми, участие в создании Сухумского общества сельского хозяйства.
- 1899—1901 — Студент Лесного института в Петербурге.
- 1901, 4 марта — Участие в студенческой демонстрации на Казанской площади в Петербурге.
- 1901, лето — Ботанические исследования Кодорского ущелья (Абхазия).
- 1901—1902 — Студент Петербургского университета.
- 1902, 5 февраля — Участие в демонстрации студентов Петербургского университета.
- 1902 — Начало ботанических исследований в Батумском и Артинском округах, исследования в Абхазии и Дагестане. Первая научная публикации.
- 1902—1903 — Работа в Петербургском ботаническом саду.
- 1903, май-сентябрь — Исследования на Саянах и в Западной Монголии.
- 1903—1905 — Ассистент Сухумского ботанического сада, член Правления и товарищ председателя Сухумского общества сельского хозяйства.
- 1905—1906 — Сотрудник Ботанического музея Академии наук (Петербург).
- 1905—1909 — Публикация в соавторстве с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем «Списка гербария кавказской флоры».
- 1906—1914 — Консерватор Тифлисского ботанического сада.
- 1907, январь — Женитьба на О. П. Декленз.
- 1907—1908 — Исследования в Артинском округе, в Абхазии и Эриванской губернии.
- 1908—1909 — Публикация в соавторстве с А. В. Фоминым «Определителя растений Кавказа и Крыма», т. 1 (вып. I—V).
- 1910, октябрь — Входит в состав Распорядительного комитета Кавказского отдела Русского географического общества.
- 1911, март — Входит в Редакционный комитет Кавказского отдела Русского географического общества.
- 1911 — Исследует Артинский округ, Абхазию и Черноморскую губернию.
- 1911, ноябрь — Входит в состав Комиссии Кавказского отдела Русского географического общества по статистическому исследованию Кавказского края. Избран в состав Постоянной комиссии по охране памятников природы на Кавказе.

- 1912 — Исследует Эриванскую губернию и Карскую область.
- 1914 — Исследования в Ордубаде и в долине Аракса. Участие в подготовке и проведении Кавказского мелиорационного съезда.
- 1914—1918 — Старший хранитель, а затем директор Кавказского музея.
- 1915 — Исследования в Южном Азербайджане, в Елисаветпольской губернии и в Карской области.
- 1915—1916 — Публикация в соавторстве с А. Б. Шелковниковым «Гербария кавказской флоры».
- 1916, апрель — Вошел в состав Научно-технической комиссии по исследованию дубильных веществ Кавказа.
- 1916 — Исследования в Центральной Колхиде и северо-западной части Черкессии.
- 1917 — Исследования в Южной Колхиде.
- 1919—1924 — Заведует отделом кавказских растений в Тифлисском ботаническом саду.
- 1921—1922 — Входит в состав Флористической комиссии Кавказского отделения Русского ботанического общества.
- 1923—1924 — Профессор Тифлисского государственного политехнического института.
- 1923 — Исследования в Северной Осетии.
- 1925 — Переезд в Ленинград. Хранитель Главного ботанического сада РСФСР, ученый специалист Института опытной агрономии, Главный ботаник опытных полей Резинотреста на Кавказе.
- 1925—1926 — Руководитель первой советской экспедиции в Америку. Исследования в Мексике, на Кубе, в Панаме, Колумбии и Венесуэле.
- 1927—1931 — Заведующий сектором субтропиков Института прикладной ботаники (позже ВИР) и заведующий Кавказским гербарием в Главном ботаническом саду (Ленинград).
- 1929 — Публикация книги «Полгода в Колумбии».
- 1929—1931 — Экспедиция на Гагрский и Бзыбский хребты в Абхазии.
- 1931, 10 декабря — Юрий Николаевич Воронов скончался. Похоронен в Ленинграде на Пискаревском кладбище.

Список трудов Ю. Н. Воронова

1. *Pleuroplitis landsdorfii* Trin. var. *caucasica* Rgl. — Список растений гербария русской флоры. СПб., 1902, т. 4.
2. О новом интересном зонтичном с Кавказа, *Lereschia flahaultii* n. sp. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1903, т. 4.
3. Из Монгольской экспедиции. — Изв. Рус. геогр. о-ва, 1903, т. 39, № 3.
4. Успехи акклиматизации растений на Черноморском побережье Кавказа. Каучуковое дерево или манитоба (*Manihot glaziovii* F. Muell.). — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 2.
5. Успехи акклиматизации растений на Черноморском побережье Кавказа. *Feijoa sellowiana* Berg. и *Persea gratissima* Gärtn., два новых субтропических плодовых дерева. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 3.
6. Успехи акклиматизации растений на Черноморском побережье Кавказа. Рожковое дерево (*Ceratonia siliqua* L.). — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 4.
7. Ночная пересадка деревьев по способу Rouault. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 4.
8. Успехи акклиматизации на Черноморском побережье Кавказа. Японские бамбуки и их культура. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 5—7.
9. Алои. Культура померанцевых в Италии. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 8—10. Авторизов. пер. с ит.
10. Последние ходатайства о введении общеземских учреждений на Кавказе. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 10.
11. Вуколов С. В. Сбор и отправка с юга на север свежих резанных цветов. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 11. Реф.
12. О культуре лекарственных растений на Черноморском побережье Кавказа. — Вестн. Сухум. о-ва сельск. хоз-ва, 1904, № 11.
13. К вопросу о культуре лекарственных растений с промышленно-торговой целью. — Черномор. сельск. хоз-во, 1904, № 12.
14. Заметки по флоре Абхазии, I. *Lereschia flahaultii* Wor. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1904, т. 5.
15. Dingelschedt, Victor, Corr. Member of the Roy. Scot. Geogr. Society, Riviera of Russia. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1904, т. 5, вып. 3. Реф.
16. *Revue Horticole* (1905, N 1—4); *Revue Horticole de l'Algérie*, № 12. — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 1—2. Реф.
17. Earliest of all, самый ранний персик. — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 3. Авториз. пер. с фр.
18. Незнаев Е. Акклиматизация растений (с картой). Новочеркасск, 1905. 35 с. — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 4. Реф.
19. Акклиматизация растений и успехи ее на Черноморском побережье Кавказа. Дынное дерево, или лапайя (*Carica papaya* Gaertn.). — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 4.

20. (Совместно с И. Присецким, Б. Н. Захаровым, М. Кнышенко, П. А. Добрыниным, Н. Д. Ефремовым, Д. Н. Баргеновым, В. В. Марковичем). Протокол заседания комиссии, избранной Сухумским сельскохозяйственным обществом для рассмотрения вопроса о введении в Сухумском округе земских учреждений. — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 5.
21. *Persea gratissima* Gärtn. в Северной Америке и на Антильских островах (по: P. H. Rolfs. The Avocado in Florida, Bull. 61 n° of Bureau of Plant Industry, Department Agriculture, Washington, 1904). — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 5. Авториз. пер. с англ.
22. *Revue Horticole de Algerie* N 3—4; *Der Tropenpflanzen*, 1905, 5. — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 5. Реф.
23. *Revue Horticole de Algerie*, № 14—16. — Черномор. сельск. хоз-во, 1905, № 6—7. Реф.
24. Десять дней в русском Лавистане с ботанической целью. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1905, т. 5.
25. Таблица для определения кавказских представителей р. *Astgiantia* (Tourgn.) L. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1905, т. 6.
26. Экскурсии в западной Абхазии. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1905, т. 6.
27. Краткий отчет о ботанических экскурсиях в Абхазии летом 1902 г. — Тр. СПб. о-ва естествоиспытателей, 1905, т. 34, № 3.
28. *Lereschia flahautii* Woron. Caucasus. — Список растений гербария русской флоры, 1905, т. 5.
29. (Совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем) *Schedae ad Floram caucasicam exsiccatum ab Horto Botanico imperiali Petropolitano editam.*, Fasc. I—II. — Тр. СПб. ботан. сада, 1905, т. 24.
30. Заметки по флоре Абхазии. 2. Несколько новых и редких для флоры Абхазии растений. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1905, 1906, т. 6.
31. (Совместно с Н. Бушем). *Спешнев И. И.* Микологические заметки. Новый грибной паразит на листьях персика. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 1. Реф.
32. (Совместно с Н. Бушем). *Зеленецкий Н.* Материалы для флоры Крыма. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 1. Реф.
33. *Фигуровский П.* Классификация климатов Кавказа. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 1. Реф.
34. (Совместно с Н. Бушем). *Фомин А.* Таблица для определения кавказских видов рода *Convolvulus*. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 1. Реф.
35. *Дилик Н. Я.* Верховья Большой Лабы и перевал Цагеркер. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 1. Реф.
36. *Маркович В. В.* На ледниках Дигорни. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, № 1. Реф.
37. Памяти Ф. Н. Алексеенко. Краткий очерк ботанической деятельности. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2.
38. *Sajander A. K.* Beiträge zur Kenntniss der Vegetation der Alluvionen des nördlichen Eurasiens, II. Die Alluvionen des Onega—Thales. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.

39. *Талиев В., Ширяев Г.* Материалы для флоры области Войска Донского. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
40. *Ширяев Г. И.* К флоре Калмыцких степей. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
41. *Буш Н. А.* По скалам Андийского Дагестана; *Буш Н. А.* Ботаническое путешествие по Западному Дагестану. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
42. *Маркович В. В.* Краткий отчет о поездке по Черноморскому побережью Кавказа и на ледники Абхазии (верховья р. Кодора) с целью изучения флоры и ледников в 1903 г. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
43. *Дьяков-Тарасов А. Н.* Бзыбская Абхазия. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
44. (Совместно с Н. Бушем). *Шелковников А. Б.* Экскурсия в Талыш. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
45. *Федченко О. А., Федченко В. А.* Растения Туркестана, преимущественно Алтая, собранные во время путешествия 1901 и 1904 годов. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 2. Реф.
46. (Совместно с Н. И. Кузнецовым и Н. А. Бушем). Растительность Кавказа. Предполагаемая программа издания. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 3.
47. Предварительная таблица для определения крымско-кавказских представителей рода *Scandix* L. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 3.
48. *Velenovskij T.* Beiträge zur Flora Orients. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 3.
49. *Kummerle Dr. J. Béla.* Adatok a Kaukasus edényes virágtalan növényeinek ismeretéhez, Beiträge zur Kenntniss der Pteridophyten des Kaukasus. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 3. Реф.
50. *Динник Н. Я.* Ущелье Кодора. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 3. Реф.
51. *Hackel Ed.* Eine neue *Calamagrostis* — Art aus Centrale Asien. — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 7, вып. 3. Реф.
52. (Совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем). *Schedae ad Floram Caucasicam exsiccata ab Horto Botanico Imperiali Petropolitano editam, Fasc. III.* — Тр. Ботан. сада Юрьев. ун-та, 1906, т. 26, вып. 1.
53. (Совместно с В. В. Марковичем и Н. А. Бушем). *Species novae ex Schedae ad Floram Caucasicam exsiccata.* СПб., 1905, вып. 1, 2; 1906, вып. 3; *Repertorium specierum novarum* № 166—174. — Тр. СПб. ботан. сада, 1906, т. 25, вып. 1.
54. *Буш Н.* О безлесии Крымской яйлы. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1906, вып. 6. Реф.
55. *Буш Н.* Таблица для определения крымско-кавказских видов рода *Coronilla* (Tourn.) L. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1906, вып. 6. Реф.
56. *Ваньков Н. В.* О новых для флоры Крыма папоротниках; *В. Сукачев.* О новой для Крыма сосне: *А. Э. Юнге.* К флоре Крыма. 2. О новых для флоры Крыма и нескольких редких для нее видах. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1906, вып. 6. Реф.

57. Краткий очерк растительности Гагринского массива (предв. отчет о бот. экскурсиях в Абхазию в 1905 г.). — Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1907, т. 18, № 3.
58. Новый *Ruscus* из Ленкоранского уезда и Северной Персии. — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1907, вып. 7.
59. (Совместно с А. Фоминным). Определитель растений Кавказа и Крыма. Тифлис, 1907, т. 1, вып. 1.
60. (Совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем). Schedae ad Floram caucasicae exsiccatae, ab Horto Botanico Imperiali Petropolitano editae, Fasc. IV (76—100). — Тр. СПб. ботан. сада, 1907, т. 28, вып. 2.
61. (Совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем). Schedae ad Floram caucasicae exsiccatae, ab Horto Botanico Imperiali Petropolitano editae, Fasc. V—VI (№ 101—150). — Тр. СПб. ботан. сада, 1908, т. 28, вып. 1.
62. О распространении *Gentiana*. — Flora caucasica critica, 1908, т. 4, вып. 1. Письмо к Н. И. Кузнецову.
63. Об экспедиции 1902 г. в Батумскую область. — Flora caucasica critica, 1908, т. 4, вып. 1. Письмо к Н. И. Кузнецову.
64. (Совместно с А. Фоминным). Определитель растений Кавказа и Крыма. Тифлис, 1908, т. 1, вып. 2, 3.
65. (Совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем). Schedae ad Floram caucasicae exsiccatae, ab Horto Botanico Imperiali Petropolitano editae, Fasc. VII—X (№ 151—250). — Тр. СПб. ботан. сада, 1908, т. 28, вып. 2.
66. Geraniaceae. — Flora caucasica critica, 1908, т. 3, вып. 20.
67. Материалы к флоре Абхазии, I. Список растений дикорастущих и одичавших в Цебельдинской котловине и Пещирском ущелье. — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 8, № 3.
68. Краткий отчет о ботанико-географических исследованиях в Артвинском окр. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 9.
69. *Фон-Дервиз Н. В.* Сухумский округ. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 9. Реф.
70. *Фон Эгтингген Г.* Предварительная таблица для определения кавказских видов рода *Saxifraga* (Tournef.) L. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 9. Реф.
71. *Zahn С. Н.* *Nierasia caucasica* nova a D. Litwinov, Petropolitano annis 1905 et 1906 in Caucaso boreali lecta; Dr. Fedde, Repertorium novarum specierum regni vegetabilis. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 9. Реф.
72. *Шавров Н. И.* Краткое описание маршрутов от Батума до Бенары и до Орджоха и от Артина до Ардануча. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 9. Реф.
73. *Фомин А. В.* Некоторые новые виды растений из Закавказья, находящиеся в гербарии Кавказского музея. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 9. Реф.
74. Род *Egungium* в Крыму и на Кавказе. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 10.
75. К флоре Артвинского округа. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 10.
76. *Бух Н. А.* О новом маке с Кавказа. — Busch, N. A. De nova *Rapaveris* specie in Transcaucasia collecta. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.

77. Зейдлиц Н. Остаточный лес приморской сосны в центре Кавказского перешейка. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
78. Палибин И. Заметка о двух видах флоры Кавказа. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
79. Палибин И. К вопросу о синонимии кавказского бука. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
80. Роллов А. Х. Дикорастущие растения Кавказа, их распространение и применение (с обозначением туземных названий растений). — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
81. Шаэров Н. О распространении некоторых растений в долинах Чороха и Имерхеви. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
82. Список растений гербария русской флоры, издаваемого Ботаническим музеем Императорской Академии наук. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
83. Zahn C. H. Hieracia caucasica nova a D. Litwinow. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 12. Реф.
84. Очерки растительности Абхазии, I. Растительность морского побережья от Сухума до устья Кодора. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1908, вып. 13.
- 85—113. *Epimedium pinnatum* Fisch. et Mey., *E. colchicum* Boiss., *Sobolewsia lithopila* Bieb.; *Koniga maritima* R. Br.; *Holosteum marginatum* C. A. Mey; *Paliurus aculeatus* Lam.; *Lathyrus inermis* Rochel et var. *glabratus* Griseb.; *Saxifraga exarata* Vill. em. Engl.; *Vupleurum pauciradiatum* (Fenzl) Boiss.; *Peucedanum adae* G. Woron. sp. nova; *Peucedanum ruthenicum* Bieb.; *Pastinaca teretiuscula* Boiss.; *Anthemis rigescens* Willd. var. *collina* Woron.; *Symphytum ibericum* Stev.; *Daphne sericea* Vahl.; *Carpinus orientalis* Mill.; *Ostrya carpinifolia* Scop.; *Fagus silvatica* L., *Betula medwedewi* Regel; *Smilax excelsa* L.; *Paspalum digitaria* Pour.; *Andropogon caucasicus* Trin.; *Festuca dertonensis* Aschers. et Graebn.; *Adiantum capillus veneris* L.; *Polystichum lobatum* Presl. var. *auriculatum* Lueress.; *Draba cuspidata* Bieb., *Asperula taurica* L.; f. *foliis brevioribus* et *laticioribus*; *Doispyros lotus* L.; *Asarum europaeum* L. var. *caucasicum* Ducharte; *Nephrodium filix mas* Rich. var. *paleaceum* Hook. — Список растений гербария русской флоры. СПб., 1908, т. 4.
114. Guttiferae, Elatinaceae, Frankeniaceae. — Flora caucasica critica, 1909, вып. 13, 22.
115. Материалы к флоре Батумского побережья. — Изв. Рос. Академии наук, 1909, т. 9.
116. О трех новых для Кавказа орхидеях. — Изв. Кавк. музея, 1909, т. 4.
117. (Совместно с Н. А. Бушем и В. В. Марковичем). Schedae ad Floram caucasiam exsiccatae, ab Horto Botanico Imperiali Petropolitanae editum, Fasc. XI—XIV (№ 251—350). — Тр. СПб. ботан. сада, 1909, т. 28, вып. 3.
118. (Совместно с А. Фоминым). Определитель растений Кавказа и Крыма. Тифлис, 1909, т. 1, вып. 4, 5.
119. Geraniaceae. — Flora caucasica critica. Юрьев. 1910, вып. 28.
120. Материалы к флоре Батумского побережья (Кавказ). — Тр. Ботан. музея Академии наук, 1910, вып. 7.

121. Материалы к микрофлоре Кавказа. — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 11, кн. 2.
122. Критические заметки о крымско-кавказских видах р. *Linum*. I. Желтоцветные льны группы *Linopsis* Planch. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 17.
123. *Еленкин А. А., Воронихин Н. Н.* Эпифильные лишайники на Кавказе. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 17. Реф.
124. *Handel-Mazzetti, Dr. Heinz. Frh.* Revision der balkanischen und vorderasiatischen *Onobrychis*. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 17. Реф.
125. *Буш Н. А.* О ботанико-географических исследованиях Кубанской области в 1908 г. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1910, вып. 7. Реф.
126. Очерк лесных областей и распространения главнейших древесных пород на Кавказе. — Кавк. хоз-во, 1910, № 10.
127. Болезни чайного куста на Кавказе. — Кавк. хоз-во, 1910, № 12.
128. (Совместно с А. В. Фоминным). Определитель растений Кавказа и Крыма. Тифлис, 1911, т. 2, вып. 1.
129. Мучнистая роса дуба (*Oidium dubium* Jacz.) и значение ее для некоторых местностей Закавказья. — Закавказье, 1911, № 49.
130. Новые данные к флоре Кавказа. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 22.
131. *Geganiaceae*. — Flora caucasica critica, 1912, вып. 36.
132. Батумская область (предв. сообщ.) — Изв. Кавк. отд-ния геогр. о-ва, Тифлис, 1911—1912, т. 25, вып. 1.
133. (Совместно с А. Шелковниковым). Herbarium Florae caucasicae (N 1—50). Tiflis, Februario, 1912, N 1.
134. (Совместно с А. Шелковниковым). Schedae ad Herbarium Florae caucasicae. I. — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1912, вып. 12, кн. 1, прил. 1.
135. Заметки о новых и малоизвестных растениях кавказской флоры, I. — Изв. Кавк. музея, 1913, т. 7, вып. 3, 4.
136. *Городков Б. Н.* К систематике европейско-азиатских представителей р. *Sagittaria* (с 6 полиг. в тексте). — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 29. Реф.
137. *Handel-Mazzetti, Dr. H. Freih. von.* Die biovalaten Harphophyllum — Arten der Türkei, Nebst Bemerkungen über Jene des übrigen Orients. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 30. Реф.
138. *Handel-Mazzetti, Dr. Heinz Frh., von.* Pteridophyta und Anthophyta aus Mesopotamien und Kurdistan, sowie Sirien und Prinkiro. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 30. Реф.
139. *Попов Н. П.* Предварительная таблица для определения крымско-кавказских видов р. *Nereta*. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 30. Реф.
140. *Палибин И. В.* К вопросу о погретичной флоре Северного Кавказа. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 31. Реф.
141. *Попов Н.* *Anemone coronaria* L. во флоре Кавказа. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 31. Реф.
142. *Попов Н. П.* Род *Oplisma* во флоре Кавказа. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 31. Реф.
143. *Фляксбергер К.* О местонахождении *Secale montanum* Guss. на Кавказе. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1913, вып. 31. Реф.

144. (Совместно с А. Шелковниковым). — Herbarium Florae caucasicae Fasc. II—IV (№ 51—200). — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1914, вып. 12, кн. 2, прил.
145. (Совместно с А. Фоминным). Определитель растений Кавказа и Крыма. Тифлис, 1914, т. 2, вып. 2.
146. Мазитский и Гек-Гельский заказники. — Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1914, т. 22, № 3.
147. Материалы к флоре печеночников Кавказа. — Изв. Кавк. музея, 1914, т. 8, вып. 1, 2.
148. Новый вид касатика (*Iris*) из Южного Закавказья. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1, с. 33—35.
149. Новые данные к распространению «сахудза» (*Pistacia turtica* Fisch. et Mey.) в Закавказье. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1.
150. Что такое *Valerianella huetii* Boiss. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1.
151. Новые данные к флоре Кавказа. *Contributiones novae ad floram Caucasi*, II. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 1 (36).
152. Свод сведений о микрофлоре Кавказа. Ч. 1. Список грибов, до сих пор известных для Кавказа. — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 12, кн. 2.
153. *Воронихин Н.* *Plectodiscella piri*, новый паразит культурных яблонь и груш. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 1 (36).
154. *Воронихин Н.* Несколько слов о мучнистой росе (*Sphaerotheca farinosa* (Walle) Lev.) персиков. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 1 (36).
155. *Воронихин Н.* О двух новых представителях Кавказской микрофлоры. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 1 (36).
156. *PetrāE Dr. F.* Beiträge zur Kenntniss einiger Cirsien der orientalischen Flora. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 1 (36). Реф.
157. *Sudre H.* Un Rubus nouveau du Caucase. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1915, вып. 1 (36). Реф.
158. *Воронихин Н.* Список грибов, собранных в Сочинском округе летом 1913 г. — Изв. Кавказ. музея, 1915, т. 9, вып. 1. Реф.
159. *Гроссгейм А. А.* Новый вид *Salvia* с Кавказа. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1. Реф.
160. *Туркевич С. Ю.* Новый род для флоры России *Bruckenthalia* Rehb. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1. Реф.
161. *Коšanin N.* *Dioscorea balcanica* n. sp. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1. Реф.
162. *Майоров А. А.* Материалы для ботанической географии и флоры степей Юго-Восточного Закавказья. I. Обзор исследованных и общий список растений юго-восточной части Ширванской степи. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1. Реф.
163. *Мицкевич О., Непринцева М.* Материалы для флоры Тифлиса и его ближайших окрестностей. — Изв. Кавк. музея, 1915, т. 9, вып. 1. Реф.
164. Материалы к лишайниковой флоре Кавказа. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4.
165. О паразитизме гриба *Lenzites tricolor* (Bull.) Fr. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4.
166. *Еленин А. А.* О новой синезеленой водоросли *Leptobasis caucasica* mihi (nov. gen. et sp.) в связи с критическим иссле-

- доставшем видов рода *Microchaete* Thur. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
167. *Лобик А. И.* Список пресноводных водорослей, собранных А. А. Еленкиным и В. П. Савичем на Черноморском побережье Кавказа в 1912 году. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  168. *Paravicini Eugen.,* Notizen zur Flora und Fauna des Goktscha-sees in Hocharmenien. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  169. *Воронихин Н. Н.* О грибах, обуславливающих образование «черни» на листьях древесных пород в Сочинском округе. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  170. *Воронихин Н. Н.* Материалы для флоры грибов Терской области. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  171. *Семашко В. К.* Материалы к микологической флоре Сухумского округа. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  172. *Бордзиловский Е. И.* К флоре Кавказа (*Eug. Bordzilowski, Contributiones ad floram Caucasi*). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  173. *Гроссгейм А. А.* К систематике крымско-кавказских *Crassulaceae*. *Sedum obtusifolius* C. A. Mey и *Sedum gemmiferum* Wogonow. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  174. *Ково-Полянский Б.* О филогении кавказских зонтичных. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  175. *Липский В. И.* Краткий очерк Закаспийской области. Предв. отчет о ботан. исслед. в Сибири и Туркестане в 1912 г., составленный под ред. Б. А. Федченко. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  176. *Сосновский Д.* К флоре юго-западного Закавказья. II. (*D. Sosnowsky, Contributiones ad Floram Transcaucasicae austro-occidentalis*). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  177. *Лесникова А. Ф.* Юрские растения с Кавказа (*Aldona Iesniskowi — Plantes jurassiques du Caucase*). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 9, вып. 3/4. Реф.
  178. По поводу аджарского пирамидального бука (*Fagus rugamidalis* Litw.). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 1.
  179. О заносных растениях Кавказской флоры. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 1.
  180. *Буш Е. А.* Западная граница *Betula raddeana* Trautv. на Кавказе. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 1. Реф.
  181. *Сосновский Д.* Обзор кавказских представителей р. *Purpureum* (Gaertn.) Boiss. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 1. Реф.
  182. О распространении в Закавказье *Немегосалии fulva* L. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3.
  183. *Буш Н. А.* К ботанической карте западной половины северного склона Кавказа (с 1 картой). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.
  184. *Гроссгейм А. А.* К систематике крымско-кавказских *Crassulaceae*. Новые виды *Sedum* с Кавказа. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.
  185. *Гроссгейм А. А.* Заметка о некоторых новых для Кавказа видах. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.
  186. *Гроссгейм А. А.* Заметки о флоре Колхиды. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.

187. Новопокровский И. В., Туркевич С. Ю. Геоботаническое обследование Ставропольской губернии в 1915 г. (Предварительное сообщение). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.
188. Сосновский Д. И. Очерк растительности Верхней Сванетии (с картой). — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.
189. Цинзерлинг Ю. Д. О субальпийской *Spiraea hypericifolia* L. на Кавказе и Эльбрусе. — Изв. Кавк. музея, 1916, т. 10, вып. 3. Реф.
190. Кавказские формы рода *Tgara*. — Изв. Кавк. музея, т. 10, вып. 4.
191. Материалы к флоре Северо-Западной Черкессии. — Изв. Кавк. отд-ния Рус. геогр. о-ва, 1917, т. 25, № 2/3.
192. Новые данные к флоре Кавказского края. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 10, вып. 5.
193. Новый вид рода *Eryngium* L. из Турецкой Армении. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2.
194. Примечание к статье Б. К. Шипкина «О некоторых флористических находках в Эриванской губернии». — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2.
195. Волков Л. Материалы к флоре водорослей России, *Monosiphon caspius* nov. gen. et sp. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2. Реф.
196. Еленкин А. А. О синезеленой водоросли *Nodularia harveyana* (Thwait) Thurg. и некоторых других видах этого рода. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2. Реф.
197. Еленкин А. А. К морфологии и анатомии редкого лишайника *Rhytidocaulon arbicola* (Tatta) Elenk. В связи с критическим обзором других видов этого рода и положением его в системе. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2. Реф.
198. Воронишин Н. Заметка о конидиальной стадии развития *Scleroderris rhinanthi* (Somn.) Rehm. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2. Реф.
199. Нагорный П. И. Список грибов, собранных Н. В. Новопокровским и С. Ю. Туркевичем в Ставропольской губернии летом 1915 г. — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2. Реф.
200. Гроссгейм А. А. Материалы для флоры Эриванской губернии: Список растений, собранных в мае 1914 г. на территории имения Араздаян (Садаракская степь и гора Дагна). — Изв. Кавк. музея, 1917, т. 11, вып. 1/2. Реф.
201. Новый представитель сем. Clathraceae из Южной Колхиды (*Pseudocolus jaczewskii* G. Wor. nov. sp.). — Изв. Кавк. музея, 1918, т. 11, вып. 3/4.
202. Критические заметки о Кавказских маках. — Изв. Кавк. музея, 1918, т. 11, вып. 3/4.
203. Из флористических наблюдений над растительностью Батумского побережья. — Изв. Тифлис. ботан. сада, 1920, вып. 48.
204. К познанию Кавказских представителей группы *Onocoselus* рода *Iris*. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1920, вып. 48.
205. Заметки по тератологии кавказских растений. — Вестн. Тифлис. ботан. сада, 1920, вып. 51.
206. Diagnoses plantarum novarum praesertim e sectione caucasica Horti Tiflisiensis. — Ботан. матер. гербария Гл. ботан. сада, 1921, т. 5, вып. 4.

207. Материалы к микофлоре Кавказского края, II—V. — Матер. по микологии и фитопатологии, 1922, т. 4, вып. 1.
208. *Species novae Caucasicae, Notulae systematicae ex Herbario Horti Botanici Petropolitani*. Пр., 1922.
209. Свод сведений о микофлоре Кавказа, ч. II. — Тр. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1923, вып. 3.
210. *Dode L. A. Arborea et frutices novi*. — Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1923, вып. 1. Реф.
211. *Косинский К. К.* Виды *Andrachne* русской флоры по данным гербариев Главного Ботанического сада Академии наук, т. II. — Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1923, вып. 1. Реф.
212. Новые *Calamagrostis* — D. Litwinow, species *Calamagrostis* novae. — Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1923, вып. 1.
213. *Шилчинский Н. В.* (N. Schipczinsky). Краткий обзор рода *Raonia* (Tour.) Linn. — Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1923, вып. 1. Реф.
214. *Юзепчук С. В.* Заметка о *Cornus koenigii* C. K. Schneid. — Вестн. Тифлис. ботан. сада. Нов. сер., 1923, вып. 1. Реф.
215. *Liliacearum novarum rar.* — Ботан. матер. горбария Гл. ботан. сада, 1924, т. 5, вып. 6.
216. Очерк растительности и флоры Юго-Осетии. — Тр. Закавказ. науч. ассоциации. Сер. 1, 1924.
217. Дикорастущие родичи плодовых деревьев и кустарников Кавказского края и Передней Азии. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1925, т. 14, вып. 3.
218. Итоги изучения флоры Абхазии за 100 лет. — Изв. Абхаз. науч. о-ва, 1925, вып. 1.
219. Материалы к познанию диких груш (*Rugus* sp.) Кавказского края. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1925, т. 14, вып. 3.
220. Материалы к познанию *Liliaceae* Кавказского края, I. Закавказские виды р. *Bellevalia*. — Изв. Гл. ботан. сада, 1927, т. 26, вып. 6.
221. Новые кавказские виды рода *Rugus*. — Изв. Гл. ботан. сада, 1927, т. 26, вып. 6.
222. Мексиканский каучуковый куст гуаюла. Л., 1928.
223. Черноморское побережье и субтропические культуры. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1929, т. 21, вып. 2.
224. Американские каучуконосы и возможность натурализации их в СССР. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции, 1929, т. 21, вып. 5.
225. Полгода в Колумбии (впечатления участника советской экспедиции в Южную Америку в 1926 г.). Л., 1929.
226. Проблема каучуконосов умеренных и субтропических районов. — В кн.: Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Л., 1929.
227. Черноморские субтропики как источник южного растительного сырья. — В кн.: Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Л., 1929.
228. Краткий обзор кавказских дубов в связи с проблемой пробки. — Ежегодник экзот. леса, 1930, № 1.
229. *Nouvelles contributions a la flore bryologique de la Caucasic*. — *Rev. Bryolog.*, 1930, nouv. ser., 3.

230. Подсемейство *Romoideae*. — В кн.: Флора Юго-Востока. Л., 1931, т. 5.
231. Подсемейство *Rgnoideae*. — В кн.: Флора Юго-Востока. Л., 1931, т. 5.
232. *Cruciferae* Juss. Крестоцветные. — В кн.: Флора Юго-Востока. Л., 1931, т. 5.
233. Сем. *Umbelliferae* (Moris) V. Juss. — В кн.: Флора Юго-Востока. Л., 1931, т. 5.
234. *Iridaceae* — касатиковые. — В кн.: Флора Туркмении. Ленинград; Ашхабад, 1932, т. 1, вып. 2.
235. Новые виды Кавказской флоры. — Тр. Ботан. ин-та АН СССР. Сер. 1. Флора и систематика, 1933, т. 1.
236. Из биологических наблюдений. — Тр. Тифлис. ботан. сада, 1934, т. 1.
237. Дикорастущие съедобные растения Кавказа. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. Сер. 1, 1937, вып. 2.
238. Сем. *Siponiaceae* и его возможное значение для дубильного дела. — Тр. по прикл. ботанике, генетике и селекции. Сер. 1, 1937, вып. 2.

Литература о Ю. Н. Воронове

- Архив семьи Вороновых. Документация и переписка ботаника Ю. Н. Воронова (Сухуми).
- Бобров Е. Г.* Памяти Юрия Николаевича Воронова (к 100-летию со дня рождения). — Ботан. журн., 1975, т. 60, № 8, с. 1214—1217.
- Бородин И. П.* Коллекторы и коллекции по флоре Сибири. — Тр. Ботан. музея Академии наук, 1908, т. 4, с. 21, 22.
- Вульф Е. В.* Юрий Николаевич Воронов. — Природа, 1932, № 4, с. 358, 359.
- Гвоздецкий И. А., Федчина В. Н., Азагьян А. А., Донцова З. Н.* Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX—начале XX вв. М., 1964, с. 55, 56.
- Горохов В. В., Сизоненко А. И.* Советско-колумбийские культурные и научные связи. — В кн.: Культура Колумбии. М.: Наука, 1974, с. 321, 322.
- Гроссгейм А. А.* Памяти Ю. Н. Воронова. — Тр. Азерб. отд-ния Закавказ. фил. АН СССР, 1933, т. 1, с. 68, 69.
- Колаковский А. А.* Жизнь, отданная науке (к 100-летию со дня рождения профессора Ю. Н. Воронова). — Сов. Абхазия, 1974, 14 июня, с. 2.
- Колаковский А. А.* Флора Абхазии. Второе, перераб. и доп. изд. Тбилиси: Мецниереба, 1980, т. 1, с. 7, 8, 11.
- Куфтин Б. А.* Материалы к археологии Колхиды, I. Тбилиси: Техника да прома, 1949, с. 93.
- Лейберов И. П.* Цebelьдинская находка. М.: Политиздат, 1976, с. 87—97.
- Русские ботаники: Биограф.-библиогр. словарь/ Сост. С. Ю. Липшиц. М., 1947, т. 2, с. 178—183.
- Малева В. П.* Флора и растительность Абхазии. — В кн.: Абхазия: Геоботанический и лесоводческий очерк по материалам экспедиции АН СССР 1934 г. М.; Л., вып. 19, 1936, с. 3—51.
- Монюшко В. А.* Проф. Ю. Н. Воронов. — Сов. Абхазия, 1931, 20 дек.
- Никольский А. М.* Пресмыкающиеся и земноводные Кавказа. Тифлис, 1913, с. 181.
- Палибин И. В.* Научные коллекции и материалы, высылаемые южноамериканской экспедицией Ю. Н. Воронова. — Изв. Гл. ботан. сада, 1926, т. 25, вып. 4, с. 433, 434.
- Палибин И. В.* Ю. Н. Воронов. — Сов. ботаника, 1933, № 1, с. 91, 92.

**Список высших растений,
носящих имя Ю. Н. Воронова**

РОД

Woronowia Juz.

ВИД

1. Aethionema voronovii Schischk.	17. Hesperis voronowii N. Busch
2. Alcea voronowii Iljin	18. Hieracium voronowii Zahn.
3. Alchimilla voronowii Juz.	19. Jurinea voronowii Iljin
4. Anthemis voronowii Sosn.	20. Lathyrus voronowii Bornm.
5. Asperula voronowii Krecz.	21. Marrubium voronowii N. Pop.
6. Asplenium voronowii Christ.	22. Minuartia voronowii Schischk.
7. Astragalus voronovianus Bo- riss.	23. Muscari voronowii Tron et Losinsk.
8. Asyneuma voronowii (Fo- min) Bornm.	24. Ornithogalum voronowii Krasch.
9. Bulbostylis voronowii Palla.	25. Peltaria voronovii N. Busch
10. Bupleurum voronowii Man- den.	26. Poa voronowii Roshev.
11. Campanula voronowii Char.	27. Polystichum voronowii Fo- min
12. Centaurea voronowii Bornm. ex Sosn.	28. Primula voronowii Losinsk.
13. Dactylis voronowii Ovez.	29. Quercus voronowii Maleev
14. Euphorbia voronowii Grossh.	30. Rosa voronowii Lonacz.
15. Euphrasia voronowii Juz.	31. Rubus voronowii Sudre
16. Galanthus voronowii Losinsk.	32. Scleropoa voronowii Hack.
	33. Scutellaria voronowii Juz.
	34. Solanum voronowii Pojark.
	35. Sorbus voronowii Zinserl.
	36. Taraxacum voronowii Schischk.
	37. Ziziphora voronowii Maleev
	38. Daphne voronowii Kolak,

Содержание

От авторов	5
Труженик науки	7
Путь к вершинам	12
Работа на Кавказе	33
От Колумбии до Абхазии	56
Проверка временем	79
Основные даты жизни и деятельности	82
Список трудов Ю. Н. Воронова	84
Литература о Ю. Н. Воронове	95
Список вышних растений, носящих имя Ю. Н. Воронова	96

Альфред Алексеевич Колаковский,
Юрий Николаевич Воронов

Юрий Николаевич Воронов
(1874—1931)

*Утверждено к печати редколлегией
серии «Научно-биографическая литература»
Академии наук СССР*

Редактор издательства Т. И. Белова
Художественный редактор Н. А. Фильчагина
Технический редактор Т. В. Полякова, М. М. Фролова
Корректоры Г. М. Котлова, Л. Д. Собко

ИБ № 21590

Сдано в набор 14.04.81. Подписано к печати 21.07.81. Т-24231.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 5,04. Уч.-изд. л. 5,6. Усл. кр. отт. 5,24.
Тираж 9800 экз. Тип. зак. 300. Цена 35 коп.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
Ордена Трудового Красного Знамени
Первая типография издательства «Наука», 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12

8

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

ГОТОВИТСЯ К ПЕЧАТИ КНИГА:

Спрыгина Л. И.

ИВАН ИВАНОВИЧ СПРЫГИН

(1873—1942)

М.: НАУКА, 1981, 10 л. 35 к.

Книга посвящена жизни и деятельности известного ботаника и краеведа, доктора биологических наук, профессора Ивана Ивановича Спрыгина. Показана напряженная научная и большая общественно-просветительская деятельность ученого — создание музея в Пензе, краеведческого общества, заповедников. Во взаимосвязи с развитием отечественной науки рассматриваются научные труды И. И. Спрыгина, посвященные изучению растительности Поволжья, Средней Азии и других районов нашей страны.

Книга будет интересна широкому кругу читателей.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазина «Книга — почтой» «Академкнига»:

- 480091 Алма-Ата, 91, ул. Фурманова, 91/97
- 370005 Баку, 5, ул. Джагаридзе, 13
- 734001 Душанбе, проспект Ленина, 95
- 252030 Киев, ул. Пирогова, 4
- 443002 Куйбышев, проспект Ленина, 2
- 197110 Ленинград, П-110, Петрозаводская ул., 7а
- 117192 Москва, В-192, Мичуринский проспект, 12
- 630090 Новосибирск, 90, Морской проспект, 22
- 620151 Свердловск, ул. Мамина-Сибиряка, 137
- 700029 Ташкент, Л-29, ул. К. Маркса, 28
- 450059 Уфа, ул. Р. Зорге, 10
- 720001 Фрунзе, бульвар Дзержинского, 42
- 310003 Харьков, Уфимский пер., 4/6

С 482

Цена 35 коп.